

Ф. М. РЕШЕТНИКОВ ДНЕВНИК

Предисловие и примечания И. Векслера

Ф. М. РЕШЕТНИКОВ И ЕГО ДНЕВНИК

В литературе о Ф. М. Решетникове есть ряд указаний и ссылок на его дневник. О дневнике говорили биографы Ф. М., частично им пользовавшиеся, его друзья и знакомые: Гл. Успенский¹, М. А. Протопопов², П. И. Вейнберг (в интервью с сотрудником «Новостей») ³, Н. Новокрещенных⁴; говорит о дневнике, в записях дневника же, и сам Ф. М. Но к изданию дневника или к широкому его использованию встречались серьезные препятствия, пока живы были люди, с которыми Ф. М. находился в общении и о которых он писал в дневнике. «По обстоятельствам, зависящим не от нас, пользоваться дневником мы не можем», заявлял Гл. Успенский. Читатель, ознакомившийся с печатаемыми нами ниже отрывками из дневника Ф. М., поймет, почему Гл. Успенский мог использовать лишь записи, относящиеся к екатеринбургскому и пермскому периодам жизни Ф. М., а Протопопов — только некоторые нейтральные, общие места. С одной стороны, уж в очень непривлекательных чертах рисовалась в дневнике та литературная среда, с которой Решетников был связан, и опубликовать дневник — значило подтвердить упреки левому крылу литературы, раздававшиеся после смерти Решетникова, упреки в том, что близкие Решетникову писатели ничего не сделали, чтобы поднять и развить этот оригинальный талант; во всяком случае опубликование дневника потребовало бы немалого числа разъяснений и оправданий. С другой стороны, дневник беспощадно разоблачает ту мещанско-чиновничью среду, которая Решетникова окружала и с которой он был родственно связан. «Дневник решительно неудобен к печати», говорили о дневнике не раз разные лица, имевшие случай с ним ознакомиться. Естественно, что ни Гл. Успенский, ни Протопопов, ни кто-либо другой не могли в должной степени и широко дневник использовать. После же работы Протопопова дневник вообще исчез из литературного оборота, и печатаемые нами отрывки взяты из небольшой его сравнительно части, совсем недавно поступившей в государственное архивохранилище.

Но и в той его части, которая находится в нашем распоряжении, дневник Ф. М. дает огромный материал для характеристики личности самого писателя и его среды. Условия места не позволяют нам дать достаточно полный анализ дневника, и мы ограничимся только некоторыми, наиболее существенными моментами.

¹ «В бумагах, оставшихся после его смерти, нашелся огромный дневник, веденный им более десятка лет и весьма важный для понимания характера и таланта Ф. М.» Гл. Успенский, Ф. М. Решетников, «Отечественные Записки» 1871, № 4, стр. 420.

² «В нашем распоряжении имеется собственноручный дневник Решетникова... дневник чрезвычайно замечательный, во-первых, по общему своему основному тону и, во-вторых, по некоторым частностям, там и сям вкрапленным среди огромного «вороха мелочей». Дневник — незаменимый и бесценный материал для характеристики Решетникова и как человека и как писателя» (М. А. Протопопов, Решетников как писатель и как человек. Вступ. статья к собр. соч. Р—ва, 1890 г., том I, стр. 2—3).

³ «Новости и биржевая газета» 1902, № 351, «Встречи с Некрасовым».

⁴ Н. Н. Новокрещенных, Воспоминания о Ф. М. Решетникове, «Екатеринбургская неделя» 1891, № 11.

Часть дневника, из которой печатаются здесь отрывки, охватывает время реакции и эпоху правительственного террора второй половины 60-х гг., с одной стороны, и с другой — время обостренной классовой борьбы в левом лагере русской литературы накануне окончательного формирования «старого» революционного народничества. И то и другое отразилось в дневнике, и то и другое вызывало отклики и замечания автора дневника. Совершенно очевидно, что по этим откликам и замечаниям можно говорить о настроениях самого Ф. М., о его политических убеждениях, об уровне его общественного сознания.

Мы указывали в первой нашей статье¹, что, судя по материалам дневника, Ф. М. неясен был смысл борьбы между «Русским Словом» и «Современником». Он мыслит себя в рядах то одной партии, то другой, в зависимости от того, как складывались у него отношения с тем или другим журналом. В «Современнике» забраковали ряд произведений Решетникова: угроза! не попасть на страницы журнала повисла над этнографическим очерком «Горнорабочие» («Осиновцы»), которым Решетников особенно дорожил; к литературным неудачам в «Современнике» прибавился ряд тяжелых настроений от небрежного и может быть несколько высокомерного отношения к нему некоторых сотрудников и членов редакции, — последнее воспринималось мнительным и самолюбивым писателем особенно болезненно².

«...Натянутасть в редакции («Современник». — И. В.), — записывает он 9 мая 1865 г., — мне не нравится, и я хочу перейти в «Русское Слово».

И Решетников уходит в «Русское Слово». А когда та же история случилась и в редакции «Русского Слова», он вновь переходит в «Современник», совершенно искренне считая, что оба журнала ведут одну и ту же политическую линию.

В 1866 г. Писарев берет под свою защиту базаровщину; разгорается полемика. Обеим сторонам совершенно ясно, на каких позициях и за что они борются. «Искра», союзник «Современника», помещает на Благовестлова карикатуру. Решетников пишет в дневнике:

«Кажется журнал либеральный, считает себя одних убеждений с «Современником» и «Русским Словом», а делает гадости своим товарищам. И из-за чего? Все это из-за денег и из-за статьи «Нерешенный вопрос», которая очень не нравится Антоновичу вероятно потому, что ему завидно, что в «Русском Слове» хорошие люди пишут».

Далек также Ф. М. и от понимания смысла революционных выступлений против самодержавия. Некоторые страницы дневника (от 13 апреля 1866 г. и 7 января того же года) недвусмысленно показывают, что Решетников был настроен против революционного движения. Конечно самые формулировки решетниковских записей не всегда выражают в полной мере настроения Решетникова. Чтобы понять значение этих формулировок, надо учесть те условия, при которых записи вносились в дневник. Ответными на выстрел Каракозова репрессиями правительства Решетников был очень напуган, как и многие другие из литературной среды; и он ожидал обыска и ареста, каким подверглись виднейшие представители левой литературы.

«...С открытием верховной комиссии с Муравьевым во главе, — рассказывает А. М. Скабичевский, — началась паника во всем либеральном лагере... Паника эта еще более обострилась, когда Муравьев не ограничился арестами одних прикосновенных к делу лиц, а начал арестовывать поголовно всех писателей радикального лагеря, сотрудников и «Современника», и «Русского Слова», и «Искры». Началась повсеместная очистка квартир от всего нелегального; всюду пылали письма, прокламации, номера «Колокола», брошюры и книги, изданные за границей и с риском привезенные на родину»³.

Готовился конечно ко всяким неожиданностям и Ф. М., и мы считаем не подлежащим сомнению, что запись от 13 апреля 1866 г. была средактирована специально для му-

¹ См. «Литературное Наследство» № 1.

² Передают, что среди некоторых работников редакции кличка «Сысойка» была твердо установлена за Решетниковым (см. Н. Новокрещенных, Воспоминания о Ф. М. Решетникове, «Пермский край» 1901 г., №№ 54 и 55).

³ А. М. Скабичевский, Литературные воспоминания, ЗИФ, М.-Л., 1928.

равьевских жандармов. Решетников в ожидании обыска видимо тщательно просматривал свой дневник в поисках собственной крамолы, и следы этих поисков мы например находим в записях от 1 января и 29 мая 1865 г.¹ Словом, Ф. М. делал то же, что делали многие.

И тем не менее мы не имеем никаких оснований предполагать сочувствие Решетникова революционным выступлениям. Не говоря уже о дневнике, таких оснований не дает и художественный материал Решетникова, хотя бы в той степени, в какой дает материал Кушевского или Оммулевского².

Ясно это и по переписке Решетникова. Двоюродный брат его Е. П. Аалыкин отвечал на недошедшее до нас письмо Ф. М.: «Читал и жалобы твои на притеснение цензуры; да, скверно, чорт возьми, и все это виноват полоумный К[аракозов]».

Но вместе с тем дневник говорит, — и это отмечалось нами в первой статье, — о ярко выраженной ориентации Решетникова на левую литературу. Ф. М. горд званием сотрудника «Современника», не в пример другим своим собратиям из разночинского лагеря (Кокореву, Левитову) считает бесчестным сотрудничать даже в либеральных изданиях и почти нигде не печатается кроме совершенно определенных в политическом отношении изданий: «Современник», «Отечественные Записки» (некрасовские), «Искра», «Неделя», «Русское Слово» и «Дело».

Несомненен также и демократизм Решетникова. Его дневник — отличный комментарий к его художественному творчеству, проникнутому горячим сочувствием к трудовому рабочему народу. В нашей статье о Решетникове мы упоминали о записи, касающейся конона Дорофевича, мужа кормилицы, служившей у Решетниковых; ниже читатель найдет эти строчки — записи от 28 и 29 ноября 1866 г. Знаменательно также в этом отношении то место в записи дневника за 1868 г., где речь идет о рабочем театре. Нам представляется замечательным высокий уровень, на который Решетников ставит проблему рабочего театра в то отдаленное время; здесь и вопрос о приближении театра к рабочему, и об информации рабочего населения о спектаклях, и о распределении билетов, и наконец об освобождении рабочего театра от полицейской опеки: «Да и какие это народные театры, если с первого же раза для порядка заведут везде полицию?» Решетников решительно отводит либерально-лицемерные жалобы на непосещение рабочими театра, горячо становится на сторону рабочих:

«Мужики иногда стояли на подъезде; внутрь их не пускали сторожа из опасения, чтобы они не обокрали; иной бы и хотел быть в театре, да боятся пробраться до кассы; его еще и не допустят до кассы. Поэтому нечего говорить о том, что наш народ — мужичье, не ходит в театр».

На фоне отношения Решетникова к «рабочему человеку» особого внимания заслуживает нетерпимое отношение его к барству, к чиновничьему высокомерию. Человек, приемлемый для него, лишь тот, кто «говорит просто с бедными людьми». Отсюда его подозрительное отношение к «аристократизму», как он понимал этот аристократизм, к «барству-лакейству», где бы они ни проявлялись: в литературном ли круге, в круге ли его родственников по жене — чиновников и чиновниц, врачей и инженеров.

Вопрос о взаимоотношении с литераторами и редакторами нами был специально рассмотрен в предыдущей статье. Мы указывали там, что в литературном кругу Решетников был человеком почти всем чужим и всех чуждавшимся. Об этой отчужденности говорит почти каждая строчка дневника, в которой речь идет о писателях. Только в отношении к Некрасову у Решетникова нет того отчуждения, какое он чувствовал к другим своим редакторам и товарищам по перу. Правда, и Некрасову Ф. М. не прощает ни одной барской ноты, ни одной черты «директора департамента»; правда, и Некрасов не всегда был чуток к этому человеку — такому скромному и незлобивому на вид и так

¹ В записи от 29 мая упоминается о переезде царского двора в Петергоф и о готовившейся встрече. «Но я уеду и не буду чувствовать наслаждения, потому что встрече я не сочувствую», записал Ф. М.; а в 1866 г. старательно вымарал «встрече я не сочувствую» и вписал «буду в Пермской губернии».

² См. например роман Оммулевского «Шаг за шагом», ч. 2, гл. VIII.

глубоко переживавшему каждую нетактичность в отношении к себе, каждую несправедливость, такому наконец болезненно мнительному и самолюбивому. Но к Некрасову Решетникова что-то тянуло; с ним он откровенен, как ни с кем, — и тем больше переживает он барскую небрежность Некрасова.

М. Протопопов указывает на «кучу мелочей», переполняющих дневник. Нет никакого сомнения, что в творческом процессе Решетникова дневник играл виднейшую роль. Дневник давал материал для той массы деталей, которыми переполнены романы, повести и рассказы Решетникова. Мы склонны думать, что содержание дневника давало Решетникову материал к незаконченному или не увидевшему света роману «Чужой хлеб», — сохранившиеся фрагменты романа весьма убедительно об этом говорят. При таком предположении ясно назначение всех мелочей дневника, зарисовок, вставок и т. п., обильно рассыпанных по дневнику. Дневник Решетникова — его этюдный альбом, его записная книжка, откуда он черпал материал в творческом своем процессе. В тексте дневника читатель найдет прямые указания Ф. М. на связь ряда его произведений с записями в дневнике.

В юности Ф. М. писал о себе с библейским пафосом: «Бедняка никто не видит, а он, с точки невидимой, видит в мире все видимое и поверхностное, как будто смотрит в огромную зрительную трубу с высоты, никем незамеченный; и бедняк в толпе мира человеческого живет, как судья над ним».

Действительно что-то общее с этим образом «бедняка-судьи» есть у Ф. М., когда он говорит в своем дневнике о людях, его окружающих. Откуда-то из своего мира через какие-то увеличительные стекла смотрит он на окружающую среду писателей, чиновников, родных, — и нет у него другого слова для нее, кроме слова осуждения. Но чужой и осуждающий по отношению к этой среде и чуждый для нее, он легко и свободно чувствует себя с «простыми бедными людьми». Таков же он и в своем творчестве. Мир Яковлевых, Тележниковых («Свой хлеб»), мир Поповых («Ставленник»), мир многочисленных чиновников и чиновниц из рассказов и повестей Решетникова — чужой и враждебный ему мир; здесь он — судья, обличитель, даже сатирик. Но мир Токмачевых, Глумовых, Горюновых, мир Конон Дорофеевичей с их бедностью, болью — мир свой, близкий и родной; здесь Решетников — адвокат, защитник.

Дневник Ф. М. находился в распоряжении С. С. Решетниковой. Поступил ли он вместе со всеми рукописями в распоряжение Сибирякова, забравшего у С. С. по договору все рукописное решетниковское наследие, или он оставался на руках С. С. — нам неизвестно. Очевидно одно, что дневник распался на отдельные части, и одна из них, несомненно та, которая была в распоряжении Протопопова, не полностью дошла до нас. Рукопись, использованная нами для публикации отрывков из дневника Ф. М. Решетникова, хранится в рукописном отделении Института Русской Литературы Академии Наук СССР, куда поступила в 1926 г. вместе с другими рукописями юдинского собрания от Иркутского Государственного Музея. Дошедшие до нас листки дневника содержат часть записей за вторую половину 1864 г., большинство записей за 1865 г. (отсутствуют записи от начала года до мая и от 3 декабря до конца года), все записи за 1866 и 1867 гг. и единственная сделанная Ф. М. запись за 1868 г. Нет никаких сведений о судьбе ранних записей дневника — до 1864 г., — широко использованных Гл. Успенским и составлявших повидимому большую часть «огромного» дневника. Ничего не знаем о записях 1869, 1870 и 1871 гг., если Ф. М. продолжал свой дневник и после 1868 г.

Рукопись, с которой печатаются отрывки дневника, представляет пачку в 12 полулистов большого формата писчей бумаги, исписанных мелким убористым почерком Ф. М. В рукописи ясны следы «цензуры». Вымарки сделаны в большинстве случаев С. С. Решетниковой, частично самим Ф. М. при обстоятельствах, о которых сказано выше.

[ДНЕВНИК]

... Некрасов приехал барином и со мною обошелся не очень ласково. Причина этому та, что вследствие статьи Салтыкова завязалась полемика с «Эпохой» и борьба с журналами¹, почему Некрасов даже сам взялся читать рукописи. Салтыков, говорят, уехал председ[ателем] казенной палаты. Я отдавал два действия драмы «Не помнящий родства», но Некрасов передал мне ответ, что она никуда не годится². Отдавал я туда и рассказы «Между людьми»³, но и их не приняли. Теперь я отдал «Воспоминания детства» «Русскому Слову», где уже и напечатано в октябрьской и будет продолжено в ноябрьской книжке. Благовещенский⁴ сам был у меня с Комаровым⁵ и просил меня продолжать работу для «Русского Слова».

Здесь жил у меня некто Потапов, уволенный из горного ведомства. Его я видел еще в Екатеринбурге у Кабанова⁶. Там он вел себя гордо и вполне считал себя за сочинителя. Его знакомые тоже называли его сочинителем, но сочинений ему не привелось напечатать, так же как и мне. Он, так же как и я, посылал сочинения в редакции, но их не печатали, а возвращали назад. С ним мне не привелось там разговаривать, да и он не считал нужным знакомиться со мной. Это я еще там объяснял так, что он считал себя за служащего в канцелярии главного начальника, а я служил в суде. Цель его сочинений, как мне говорил Кабанов, была та, чтобы ему получить из-за них хорошую должность, денег много иметь; и ему хотелось славы точно так же, как и я мечтал о себе. Сочинения его там мне не привелось читать; Кабанов говорил, что он пишет драмы и комедии и пишет очень верно, [с] юмором. Я тогда досадовал, что он будет мне оппонент [конкурент?], будет печатать то же самое, что и я сочиняю. С своей стороны, и он тоже ненавидел вообще всех сочинителей и о литературе рассуждал вообще так, что все сочинители врут, что они — люди богатые, дворяне, и поэтому их сочинения печатают, а он — бедный человек.

То же самое думал и я прежде. Но теперь я убедился, что это неправда. Нужно прежде посылки сочинения в какую-либо редакцию понять направление этого журнала, с самого начала заинтересовать сочинением редакторов. Так по крайней мере я насмотрелся в редакциях «Современника» и «Русского Слова», куда почти каждый присылает статьи из провинции — статьи различного сорта и различного склада. Сколько мне привелось читать эти статьи, они или написаны безграмотно, без всякого направления, без складу, или уже различные идеи пересолены ужасно. Все это литераторы доморощенные, которых понять очень трудно. Они — люди бедные, в них есть страсть сочинять, они думают, что они гении, но они еще только что начали развиваться, и им еще много надо читать и учиться многому. Это уж счастье, если какое-нибудь сочинение напечатают. Зато, как я думаю, они и гордятся своим талантом. Таких людей, я думаю, боятся там, в провинции, и они действительно пользуются уважением молодежи.

Мои «Подлиповцы» вскружили голову не одному Потапову. Меня знали там многие, и потому, когда увидели мою фамилию в печати, да еще в «Современнике», обо мне, т. е. о моей жизни, узнали многие, почти весь читающий люд. А в казенной палате, я думаю, что и говорить стали: «Экой, дескать, счастливичик!» Ну, да к чорту их! Я не мечтаю о славе, а мне нужно дело.

Потапову завидно стало. Он сообразил, что, дескать, я поеду в Петербург, попрошу Р[ешетникова] помочь мне напечатать что-нибудь. Так как и я уехал в Петербург для сочинительства и воображал, что я — гений, и если я буду в Петербурге, то добьюсь-таки толку, то подобное думал и он. Но у меня, кроме сочинительства, была служба в департаменте, и я все-таки на первых порах имел деньги и мог жить не богато, не бедно, не го-

лодно и не холодно, — так, как я и прежде жил: и не холодно и не голодно, пью чай, молоко, булками. Потапов же рассчитал так, что если он приедет в Петербург, то тотчас же попадет сотрудником в «Современник». Поэтому он вышел в отставку и приехал в Петербург, приготовив несколько комедий. Через два дня по приезде он отыскал меня, расхвалил, сказав, что он удивляется, каким это образом я попал в «Современник», и высказал свое мнение, что он очень легко сможет попасть в сотрудники этого журнала. Я прочитал два хвалёных сочинения, по моему понятию, они оказались слишком растянутыми, разговоры мало характеризуют людей, и вообще по этим разговорам непонятно, чего нужно говорящим людям. Все они сетуют на свою судьбу, на начальство. Пустые фразы написаны языком горнорабочих, так что этого языка в Петербурге и в половине образованной России никто не поймет; да и изложение очень обыкновенное, давно избитое, нового слова нет. Впрочем, по моему мнению, эти сочинения можно бы напечатать как оригинальные из жизни горнорабочих.

Одну комедию я снес в редакцию «Современника», там прочитали и сказали, что они не могут напечатать, потому что каждое слово нужно оговаривать, а нужно бы было, чтобы Потапов написал очерк, что будет очень интересно. Потапов очерк писать не согласился, а сказал, что комедии писать ему ничего не стоит, а очерки ему не нравятся, и он очерки писать не умеет. Комедии и драмы — его страсть, и пишет он их с той целью, чтобы ему поставить их на театре, так как на театре дается чорт знает что. С этим согласен и я, и это было моим намерением еще в Екатеринбурге: сидишь бывало в парадизе и думаешь: «Ах, как бы приняли мою комедию! Удивил бы я народ; уж такую бы я комедию поставил, что все бы меня похвалили, и написал бы я такую, какой никто еще не писал».

С целью, что я как-нибудь помогу Потапову поместить его сочинение в «Современнике», он перешел на квартиру ко мне. Переделанную комедию его в редакции не приняли, не приняли и другую, отговорившись тем, что они не хороши и редакция не печатает комедий и вообще театральных произведений на том основании, что их никто не читает. Я сам говорил в редакции, что я хочу писать драму, мне не советовали.

Неделю он жил в ладу с нами, но потом стал капризничать. Он ел много, пил чаю и кофе тоже много, любил тепло; Каргополова* подсмеивалась над его физиономией и передразнивала его. Это ему не понравилось, не понравилось ему еще и то, что я как будто бы не хочу, чтобы приняли его сочинения. Он стал говорить, что ему холодно, что у него нет денег, и переехал на квартиру дружески. Когда приехал Некрасов, он послал ему очерк «Пасынок» и комедию. Я попросил Некрасова прочитать. Некрасов сказал, что ни очерк, ни комедия не годятся для «Современника». Но Потапов, посылая очерк, написал Некрасову письмо такого рода, что он человек бедный, служить не может, хочет и может заниматься только одной литературой и желает быть постоянным сотрудником журнала, потому Некрасов может заключить с ним контракт с тем, чтобы он дал ему теперь 300 руб. Некрасов сказал мне, что Потапов — нелепый господин. Потапов написал ему невежливое письмо, стараясь как-нибудь получить хоть сколько-нибудь денег, но Некрасов ответил ему, что денег ему никаких не может дать. Потапов рассердился на меня и на редакцию, обругав Некрасова, Головачева⁷, Пыпина⁸ и Антоновича⁹. Снес он очерк в «Русское Слово» — там тоже не приняли. Снес он редактору «Русской Сцены» две комедии — и тот не принял. Везде, куда он носил свои сочинения, он просил наперед деньги, и за это его прозвали помещанным.

Все-таки положение Потапова очень незавидное; он говорил, что ему не на что жить; он бы и назад поехал — нет денег, пешком идти — холодно.

* Серафима Семеновна — впоследствии жена Ф. М. Решетникова.

С каждым днем положение его становилось хуже и хуже: на службу его нигде не принимали, денег нет, хорошо еще, что он нашел на Гороховой немца, который взял его жить с хлебами за десять рублей и верил в долг. Проклятая все редакции, всех сочинителей, он все-таки не унывает и все пишет, но читать хорошие ученые книги, кроме беллетристики, не хочет, — потому-де я все знаю и если чего не знаю, так мне не для чего ломать голову.

Теперь он поступил в горный д[епартамен]т.

28 декабря [1864 г.]

В «Русском Слове» напечатаны за октябрь и ноябрь мои «Воспоминания детства». Я думаю, дядя ужасно рассердится¹⁰. Писал я не со злобы, но чтобы показать, как развиваются люди в провинции при дрянном воспитании¹¹. Теперь я отдал продолжение, и мне ужасно как неловко писать свое прошлое; как-то не хочется задевать живые личности. А гадости в каждом лице очень много.

В «Современнике» на меня косятся, вероятно, за то, что я печатаю еще в «Русском Слове», с которым «Современник» начал полемику за то, что Писарев в «Нерешенном вопросе»¹² обругал Антоновича и «Современник». Антонович — неглупый человек, но напрасно тратит свои дарования на полемику, которой он портит журнал, и выхваляет себя, что он — единственный умный в России человек, так как он первый критик в «Современнике». Придешь в редакцию, поздороваешься, с тобой никто ничего не говорит, и если говорят насчет дел редакции, то говорят шопотом, или говорят: «после поговорим, теперь нельзя». Еще в декабре я отдал статью «Горнорабочие»¹³. Пыпин велел переделать. Теперь хотя ее и пропустила цензура, но ее читает еще теперь Некрасов. Такая натянутость в редакции мне очень не нравится, и я хочу перейти на сторону «Русского Слова»... *

В редакции «Современника» лежала моя статья «Горнорабочие. 1-й этногр[афический] очерк». Редакторы все говорили, что они ее не поместят в мартовскую, апрельскую книжку, потому что материалов хороших много. Значит, они высказывали, что моя статья дрянь. Но зачем они не скажут мне это в глаза, зачем шесть месяцев держат ее? Пыпин сказал, что она у Некрасова. Пришел Некрасов, поклонился мне, а за руку не поздоровался и стал разговаривать с двумя просителями. Через полтора часа после его прихода Пыпин сказал ему шопотом: «Что мы станем делать с Решетниковым? Я ему сказал, что статья у Некрасова, и я сказал ему, что у нас теперь много материалов и ваша статья в апрельскую книжку не пойдет».

— Да, надо развязаться с ним, — сказал Некрасов и немного погодя подошел ко мне.

— Вы извините меня, г. Р[ешетников], что мы так долго вашу статью держим. Ее нельзя напечатать. Если вы будете писать все в таком роде, как вы теперь пишете и торопитесь писать, без соображения, то вы, с вашим талантом, допишетесь до того, что вас будет жалко. Если вы что-нибудь хорошее напишете, мы с удовольствием примем. Но если вы будете писать так, то в плохом журнале, конечно, будут печатать.

Я простился с ними пожатием руки, но пожатие было просто из вежливости, особенно чувствовал при этом неловкость Антонович. Головачева нет, его должность оправляет Слепцов¹⁴, но он меня не знает. В редакцию я пришел без очков и увидел все незнакомых. Слепцов обратился ко мне: «Что нужно?» Я ничего не сказал и пошел в угол, на диване увидал Пы-

* Окончание записи, из которой приведен этот отрывок, очевидно, отсутствует, отсутствует и дата. Запись относится к концу декабря 1864 г., или к первым числам января 1865 г.

пина. Надо ходить с очками. А еще говорят, что я очки ношу для красоты.

Не знаю, что делать с «Горнорабочими»? Повезу к горнорабочим и прочитаю с Фотеевым...¹⁵

В «Искре» помещены две карикатуры на Благосветлова¹⁶. Для нас, знающих хорошо положение Благосветлова, такие карикатуры кажутся нелепостью, а для незнающих, в чем дело, оно очень невыгодно для редакции и репутации «Русского Слова». Разве Бл[агосветлов] виноват, что ему не платят деньги? Разве он не имеет права защищаться? Как же ему поступать в таких случаях, когда ему не дают ходу противники, считая его за защитника нигилистов и называя его бессмысленной башкой? Карикатуры довольно нелепые, так и видно, что «Искра» не знает, чем осрамить человека, особенно невинного Зайцева¹⁷. Кажется, журнал либеральный, считает себя одних убеждений с «Совр[еменником]» и «Р[усским] С[ловом]», а делает гадости своим товарищам. И из-за чего? Все дело из-за денег и из-за статьи «Нерешенный вопрос», которая очень не нравится Антоновичу вероятно потому, что ему завидно, что в «Р. С.» хорошие люди пишут.

9 мая [1865 г.]

...переход со старой квартиры в эту кажется довольно резким. Там мы занимали пять комнат, сами имели хозяйство, были полными хозяевами, потому что сами имели квартир[антов], а здесь живем в углу за два рубля в месяц и берем кушанье из кухмистерской, довольно несытное, на двоих — за пятнадцать рублей в месяц четыре блюда в сутки.

...Петергоф хотя и город, но походит на сад или на дачу. Куда ни поворачивись, все сады и пруды, но все это сделано искусственно и очень неприятно слышать, что на поправки, сады и фонтаны выходит в год не одна сотня денег. 10 июня приедет государь с царской фамилией, и тогда будет музыка, но я уеду и не буду чувствовать наслаждения, потому что встрече я не сочувствую.

...Потапов спился совсем, рассорился со мной и ничего не сочиняет. Он проклинает товарищей на казенной квартире, которые будто бы приучают его к пьянству. Он сделался злой, капризный, ругает прислугу и всех и улизнул с квартиры, так что через три дня его уже разыскивали. Потом в д[епартамен]те получили от него записку, что он в Обуховской больнице и нездоров воспалением легких. Говорят, что он три дня жил где-то на квартире и заводил скандалы, драки и поэтому думают, что его порядочно исколотили.

29 мая [1865 г.]

Сегодня я именинник и сижу без копейки. Сидеть без копейки после приезда из Пермской губ. мне приходится чуть ли не в шестой раз. Все это произошло по милости редакции «Р[усского] С[лова]». Перед отъездом из Петербурга я отдал туда окончание «Между людьми», или третью часть, сделав в ней такое заключение, что герой явится впоследствии, когда разовьется. Благовещенский через неделю сказал мне, что написано много лишнего вещей и если я позволю ему, он займется выправкой. Я дозволил; через несколько дней я спросил Благов[ещенского], могу ли я ехать и получу ли деньги в Соликамске. Меня обнадежили, и я поехал с 40 рублями. Прожил я в Соликамске три недели, в Перми полторы — ни писем, ни денег нет. Наконец жена заложила вещи, выслала мне 50 руб., и на эти деньги я съездил в Екатеринбург. Приезжаю оттуда, получаю письмо от Благовещ[енского] с штемпелем редакции «Р[усского] С[лова]». Он пишет — окончание они решили не печатать в о все (подлинное слова), потому что оно недокончено¹⁸. Приезжаю в Петерб[ург], прошу статью и ее через месяц получаю от Комарова всю исчерченную. Пис

приезде я отдал в редакцию две фельетонные статьи о Пермской губ. — не взяли¹⁹. Просил [у] Благосветлова денег, он оттягивал целый месяц, говоря, что денег нет, и наконец написал такое письмо, чтобы я не думал о надежде получить денег в долг. Пришлось закладывать вещи. Хотел я отдать туда свой роман, но говорят, что они будут его читать тогда, когда я напишу весь²⁰. Я отдал первую часть романа в редакцию «Современника», — та же история: велели обратиться к Некрасову. Некрасов принял меня любезно, но сказал, что он поместит роман не раньше как в ноябре и декабре на том основании, что у меня роман не окончен. Впрочем, он согласился прочесть со мною начало романа и обещал поговорить Звонареву насчет издания «Подлиповцев»²¹.

В редакции «Современника» рассуждают, что «Р[усское] С[лово]» — журнал дрянной и против него даже не стоило бы писать что-нибудь, а в «Р[усском] С[лове]» говорят, что «Современник» устарел, там ничего нет хорошего. По моему мнению, некоторые статьи «Русского Слова» очень дельные, но что касается до статьи Соколова²², то он ввертывает невозможные и нелепые мысли, а Писарев и Зайцев очень зазнаются и провираются. Антонович же говорит толком, но тоже, не сдерживаясь, провирается. Мне нравится, что Пыпин не ввязывается в ихнее дело, молчит Некрасов, а в «Русском Слове», по настоянию Благосветлова, почти все, кроме разве Благовещенского, идут против «Современника» и, считая себя умниками, хотят закидать грязью «Современник», в котором они следят, кажется, только за полемикой.

Благосветлов оказывается мазуриком. Он согласился издать соч[инения] Помяловского таким образом: когда он выручит затраченные на издание деньги, тогда остальные деньги пойдут в пользу семейства Помяловского. Письменных условий заключено не было, потому что считали Благосветлова за честного человека. Он издержал на издание 1450 руб., конечно за хлопоты вычел себе рублей 500. Но выручивши 1450 р., он из остальных денег за остальные экземпляры стал давать Помяловским половину, говоря, что он прежде так условливался. Теперь Помяловским приходится получить около 1800 р., а они получают только 900 руб. Вот она, честность-то. Вот и реалисты!

19 сентября [1865 г.]

Очень бы я желал, чтобы мой дневник или мои заметки после смерти моей напечатали.

Теперь я очень хорошо понял, что те, которые ратуют за свободу, — или богачи, или такие люди, которые пользуются особым почетом тех, которые дают человечество. Настоящей свободы человеку нет: человек всегда будет подчиняться другому и будет находиться в зависимости от людей богатых. Бедному человеку с ничтожным званием нечего и думать о свободе.

Пример этому я — отставной канц[елярский] служитель.

Уже 19 числа сентября я записал свое положение, теперь оно еще хуже. Я переделал «Между людьми» и назвал статью «Похождения бедного провинциала в столице». Благовещенский назвал ее великолепной, только не захотел ее напечатать, потому что тут дело идет о литераторе. В сентябре я прочитал ее Некрасову, он хотел напечатать ее в октябрьской книжке, а когда я решительно не знал, что делать, он написал мне письмо, что она в нынешнем году непременно будет напечатана, и выдал мне в счет ее 65 руб., которые я в один же день издержал, и все-таки у меня осталось долгов рублей 200. Из первой части романа я прочитал Некрасову половину и потом получил от него письмо, что ему слушать меня некогда²³. С этого времени прошло полтора месяца. Раз я прихожу в редакцию. Некрасов говорит:

— Я отдал переписывать первую часть.

— Николай [Алексеевич], у меня денег почти нет, сами знаете.

— Я на свой счет. Приглашать мне вас — у меня утром и вечером нет времени, а читать ваш почерк я не могу. Пыпин тоже отказывается.

А о том, что я просил его, не похлопочет ли он мне о частных занятиях, он не сказал ни слова.

Сегодня же сказал:

— Вы напрасно ходите в редакцию. Вы тогда узнаете решение своей участи, когда я весь роман до последней строчки прочитаю. Вы думаете жить на счет романа; я вам скажу, что у нас времени так мало, что он, может быть, читается через полгода, через год.

Он думал, что я хожу к нему просить денег. Когда я ему сказал, что я бы с августа месяца мог прочитать весь роман и переписать его, он сказал, что ему слушать меня некогда, а ему нужно читать писарской почерк.

Взять роман назад я не могу, потому что я должен Некрасову 65 р., а заплатить эти деньги я не могу, да и за шубу жены уже требуют долгу 50 р.

В «Русском Слове» то же. Там напоминают мне о романе, который я в мае обещал им отдать, и обижаются, что я отдал его в «Совр[еменник]». Пока не печатают другие статьи тоже. В «Искре» цензор исчеркал «Путевые письма»²⁴, и ничего не вышло.

Не знаю, что и делать.

А тут жена 7 ноября родила девочку и до сих пор лежит, не вставая, в клинике. Положение ее мучительное, и доктора своим искусством производят над ней пытку... Девочка Маша находится в воспитательном, потому что она испортила груди жены и от молока стала худая.

Положение мое очень ужасное. Еще кое-как поддерживаюсь «Искрой», где Курочкин должен мне около 30 р. с.

3 декабря 1865 г.

Помнится, что у меня в дневнике за какой-то год написаны мысли на новый год. Пересматривать мне дневник не хочется, да и тетрадь слишком большая, а времени у меня очень мало. Правда, я мало работаю. Роман («Горнорабочие»), или окончание 3-й части, с ноября месяца не пишется. Причины тому — мое гадкое положение, доводящее меня часто до слез. Нужно идти в клинику, потом в воспитательный к дочке и унижаться перед умною сволочью (докторами) и надзирательницами, чтобы дочку не отправили в деревню...

Потом нужно бегать в редакции «Искры» и «Будильника»²⁵. Нынче не стоило делать отчета, лучше в новом году писать отчет.

В «Искре» очень мало денег, и мне уже совестно просить Курочкина каждое воскресенье. Он дает, но совестно просить. Положим, я получал по 10 и 5 р. в воскресенье, но все эти деньги шли на расплату долгов. В редакции «Искры» теперь у меня четыре статьи; две прочитаны, и Курочкин обещал поместить их в январе месяце. Ему нужен юмор, как он мне говорит, и я написал юмор такой, что бедный человек смеясь рассказывал о своем горе, а Курочкин говорит, что в статьях мало юмору, между тем в «Искре» зачастую печатаются пустые рассказы.

Дмитриев, ред[актор] «Будильника», когда я послал ему небольшую статейку, написал мне сахарное письмо²⁶, что он очень будет рад, если я буду участвовать в «Будильнике», и просил написать статью для юмористического сборника или принести статью, не пропущенную цензурой. Я написал и принес «Путевые письма», но он сказал, что «Путевые письма» имеют местный характер, а статья «Приезд генерала»²⁷ будет читаться при собрании известных литераторов и он дожидается художника Слепцова, т. е. его статьи²⁸. Странно не печатать статьи, имеющие мест-

ный характер. Я очень хорошо понимаю, что я верно описал сцены, мною замеченные, и жизнь в «Забитых местах»²⁹.

В этих двух редакциях участвуют те же сотрудники, но странно, — в каждой редакции толкуют против другой редакции. Здесь ненавистные литераторы осмеиваются, как только можно. Я еще ни с кем не познакомился, я молча сижу на стуле и слушаю вздоры литераторов. На меня никто не обращает внимания, да и мне наплевать на них.

Перед рождеством я получил милостыню, и милостыню хорошую. В начале декабря я написал Некрасову довольно резкое письмо³⁰, что я хожу к нему не за деньгами; если бы я был богат, не стал бы кланяться, а напечатал бы роман особой книгой, не отдавал [бы] его ни в какой журнал, и в заключение написал, что я к нему больше боюсь ходить и не отдаст ли он мне роман назад. Деньги же, 65 р., он дал мне в счет статьи «Положения бедного провинциала в столице», которую хотел поместить сперва в октябрьской, а потом отложил до ноябрьской или декабрьской книжек. Недели через две с половиной после этого я получил из конторы «Современника» письмо, что я могу застать дома Некрасова между 12-м и 2-м часом. В письме, написанном чиновничьим тоном, тоном канцелярии директора, не было написано, для чего оно ко мне послано. Однако догадываясь, что я могу явиться к Некрасову, — пошел.

Некрасов мне сказал:

— Вы напрасно обижаетесь. Вы не поняли моих слов. Я вам сказал, что я не могу теперь скоро прочитать вашего романа, потому что дела мои в таком положении, что времени нет, особенно с этими предостережениями³¹. Ваш роман так велик, что я не могу его сразу прочитать, а прочитавши первую часть, я не могу печатать, потому что не знаю, каково будет продолжение. Я понимаю ваше положение, и я говорил вам, что я раньше декабря не могу дать вам большого количества денег. Теперь я могу дать, а когда я прочитаю весь роман, тогда дам еще больше.

— Мне не хотелось бы брать денег вперед.

— Это ничего. Я могу вам дать сто рублей. Если в случае чего он и будет, — вы напишете другую статью.

Что я против этого должен был сказать, когда у меня в кармане не было ни копейки денег? Ну, я и мигал глазами, и не хотелось мне брать денег, но он сказал:

— По началу, которое вы читали, я сужу, что роман годится для «Современника», и я, как переписут его, постараюсь поскорее прочитать его.

А между тем сколько мук я принял с этим романом. Не раз мне доводилось плакать за Елену Токменцеву, за отца ее, мать, Корчагина и прочих угнетенных и угнетаемых людей.

— Но я вас должен предупредить, что теперь я плачу понемногу. Если я по первым книжкам увижу, что журнал пойдет в 1867 г., то буду вам платить по 40 р. за лист, а если нет, то 30 р.

Он хотел запутать меня; ему хотелось тешишься надо мной. Он понимает, что мне, при настоящем положении, можно назначить и 10 р. за лист. Вот и надейся на литературу. А он еще поддразнивает меня:

— Вы бы искали службы.

От этого человека я не ожидал этого, да он и знает, что я не чиновник и меня никто не примет на службу.

Он показал мне, для очистки своей совести, переписку романа. Первая часть переписана только на четверть. Писарь захворал.

Жена, слава богу, поправляется, и 9 января я ее привезу домой. Измучилась она, бедная. Дочь также привезу домой..:

Завтра год моей семейной жизни, а это для меня дорого.

Завтра для меня новый год. Каков-то он будет?

7 января 1866 г.

Да! Я много хочу написать в дневник, да забываю. Например, я видел много нигилистов. Это глупые люди. Мальчик, вбивший себе в голову, что он нигилист, т. е. не верует в бога, не признает правительство, носит длинные волосы, очки, говорит вздор и подличает; в церкви он ужасно гадок, ужасно гадок на Невском, в пассаже, где делает пакости девушкам, женщинам. Спросите вы его, что такое нигилизм, он никак не объяснит вам. Люди, считающие себя нигилистами и попавши на должность или имея деньги, о нигилизме толкуют девицам, корчат из себя умных, а в сущности такие подлые люди, что с ними и толковать не стоит. Они никак не хотят не только заступиться за мужика, но не хотят сознательно, чистосердечно назвать его гражданином — и всегда ближнему сделают пакость. Нигилизм — модная фраза, не объясняющая. Старики правы, что ненавидят молокососов. Отчего меня полюбил дядя, когда я был у него?

А уж я ли не описал его? Впрочем, я [может быть] * не нигилист. Женщины и преимущественно девицы ходят без кринолинов, с обрезанными волосами, с книжками: это нигилистки. И за ними волочатся очкастые, длинноволосые нигилисты... Эти особы говорят по-ученому, но ничего не понимают, их можно резать с книжкой, но она будет хвастаться, а не объяснять; то, что скажет ей нигилист, — будет говорить и она.

Как-то к старой хозяйке Дороговой пришла 12-летняя сестра Писарева ** за кушаньем. Хозяйка заметила, что у нее плохо растут волосы.

— Я — нигилистка, — сказала девочка.

— Что же это такое?

— Я в бога не верую, ничего не признаю...

Шел я из крепости. По льду около крепости катались на коньках нигилист и нигилистка. Нигилистка держала в левой руке книгу и постоянно падала, при чем книга выпадала, и нигилист ловил книгу. Шедший народ останавливался и с любопытством смотрел на эту комедию.

Катанье на коньках в Петербурге нынешней зимой сильно развито, то и дело видишь аристократок, чиновников, нигилистов и нигилисток и зевающую толпу народа, который мимоходом рад чем-нибудь развлечься.

7 января 1866 г.

Январь и февраль я провел спокойно, потому что в 11 и 12 № «Современника» за прошлый год напечатали «Похождения бедного провинциала в столице», а в 1-м и 2-м № за 1866 г. 1-ю часть романа «Горнорабочие» **. Но первая часть много потерпела сокращений в редакции: Некра-

СЕМЬЯ Ф. М. РЕШЕТНИКОВА

С фотографии, предоставленной дочерью писателя М. Ф. Евстратовой

* «Может быть» вычеркнуто Решетниковым.

** Роман «Горнорабочие» (1-я часть) напечатан в I и II книгах «Современника» за 1866 г.

сов говорил, что написано резко, но Пыпин говорил, что много нелепостей и вовсе ненужных вещей. Так, рассуждения общества о поступке Елены, ходьба соседки Елены с Еленой к письмоводителю и управляющему, наказание Елены отцом в бане—целые две главы выкинули, и вместо них я написал одну главу в одну страничку³³. Теперь Некрасов как будто недоволен мной, потому будто, что вторая часть ему не нравится. Но он еще не читал ее, а будто бы Пыпин говорил ему, что в романе есть такие вещи, по которым нельзя печатать романа. Третьего дня я прочитал Некрасову ту главу, в которой Онисья Кириловна представилась к главному начальнику, и ему не понравилась описание главного начальника: «Это так безграмотно, что так не напишет последний подьячий». Когда я сказал ему, что я могу это изменить, то он отдал мне всю 2-ю часть и велел перечитать ее снова³⁴. Я перечитал и поправил снова. Сегодня он сказал мне, что прочтет первую главу, и все-таки обещается не откладывать печатаньем. А мне так и кажется, что он отложит до апрельской книжки.

Я и сам сознаю, что надо бы заняться романом хорошенько, но в настоящее время я решительно не имею возможности, потому что нет денег.

Теперь я думаю, что, живя в Петербурге, на литературу нечего рассчитывать. В редакции «Современника» смотрят на меня с пренебрежением, как на недоучку, человека неразвитого, которого можно запугать и обойтись так, что ты человек нам не парный. Я очень хорошо понимаю, что если они и печатают роман, так только ради Христа... Это мне обидно. Но что я сделаю? Курочкин говорит, что я получаю много денег, и этим как будто старается намекнуть, что я могу и подождать со своими статьями. А я, между тем, сижу без копейки да должен ред[акции] «Современника» около 50 р. Кроме этого меня мучит долг капитану парохода «Кавказ и М[еркурий]» Козлову. Все они, вероятно, не жилали так бедно, как я, потому так и судят. Кроме Козлова я расплатился со всеми, т. е. выплатил долгу рублей триста, а жить-то чем?

Вот теперь литературные чтения, а я не имею возможности попасть туда, потому что нет денег, да и я все еще ни с одним литератором не знаком, и если редакторы «Искры» и «Будильника» рекомендуют меня которому-нибудь, так те эту рекомендацию считают одной формой. Впрочем, это меня не огорчает, да и я сам веду себя так, что никто со мною не разговаривает. А познакомиться с хорошими людьми не мешало бы.

Некрасов в отношении ко мне сделался все равно, что директор департаментов к помощнику столоначальника.

Поэтому я хочу уехать в провинцию с женой, которая возьмет там место бабки³⁵. Но раньше этого мне нужно заготовить материал для романа «Петербургские рабочие», и этот роман я буду писать в провинции³⁶. Кроме этого мне опротивело жить с родными жены—ее братом и сестрой...

«Русское Слово» приостановлено на 5 месяцев³⁷. Благовещенский рад этому, потому что начало его второй части вышло глупое, бессмысленное и до невероятности натянутое...³⁸

С Дмитриевым, ред[актором] «Будильника», вышел какой-то скандал. Когда я был в редакции, то целый час слушал литераторов—ничего не мог понять. Кажется, известный Мих. Воронов сочинил какую-то статью на кого-то, и издатель «Будильника» напечатал ее в «Будильнике» без согласия Дмитриева, и Дмитриев хочет отказаться от редакции³⁹.

11 марта 1866 г.

Записываю эти строки в тяжелое для нашего брата—литератора время. Весь Петербург только и занят тем, что покушением на жизнь государя. Самое главное—не знают, кто злодей. «Московские Ведомости» говорят—он поляк, «Петербургский Листок!»—нигилист, а он врет⁴⁰.

Вот поэтому-то, говорят, и хватают всяких подозрительных людей. А от этих слухов наша-то братья и трусит. Положим, я ни с кем не знаком из литераторов и имею о них два понятия: одни — пьяницы, другие — баре. Пьяницы болтают все, что придет им в голову, а баре помалчивают. Но какие отношения бар к пьяницам — я не знаю. Наплевать! Знакомых у меня очень мало, потому, что я не люблю заводить знакомство: сам ходишь, к себе води. Ну их к... Однако я хотя и против всего того, что эти какие-то господа замышляют по глупости своей, все-таки беспокоюсь: вдруг ночью придут, разбудят мою дочь. Они, конечно, не знают, или им дела нет до того, что дочь от испуга может на всю жизнь оглупеть, кормилица молоко потерять. Положим, должно подозрительных людей обыскивать, но я-то чувствую, знаю, что я тут ровно не при чем, и мне обидно за дочь. Все эти мысли лезут в голову потому, что будто Курочкина и Минаева⁴¹ обыскивали, а может и других. Уже хоть бы скорее обыскали!

В «Будильнике» что-то долго не печатают ничего моего. После завтра надо идти к Степанову. Пойду и к Некрасову с 3-й ч[астью] романа. Не хочется, а надо узнать, будут или нет печатать в апреле 2-ю [часть]. Если не будут, не знаю, что и делать.

— Время теперь такое... Опасно, — скажет Некрасов.

Да мне-то что за дело! Всякий видит, что тут рабочие притесняются начальством. Неужели правительство так глупо, что оно и в этом романе видит что-то другое? Я бы ему посоветовал самому потолковать с мастеровым или учрочнорабочим. Но я знаю, что тут кроется со стороны Некрасова что-то. Будь я богатый человек, не то бы было; а то я должен теперь ему 70 р., и он как будто считает меня за какую-то пройдоху. Обидно.

Да, много есть страданий у человека. В страдании Сысойки и Пилы («Подлипо[вцы]») я страдал, теперь я страдаю в Корчагине. Но все эти лица живые. Подите вы на Каму, в Пермь теперь, подите в любой горный завод, — стонет бедный народ и стонет от начальников: приказчиков, мастеров, штейгеров. То же и здесь с фабричными и другими рабочими.

13 апреля [1866 г.].

В «Русском Вестнике» я прочитал статью Безобразова «Начало пугачевщины»⁴². Объясняется, что народ страдал и был вызван страданием к бунту. Пугачев имел девиз: земля ваша, свобода. Конец свертывается к тому, что Екатерину II окружили дворяне. К чему эта штука?

Роман мой теперь не печатается.

Времена теперь тяжелые: Елисеев, Слепцов, Минаев, Вас. и Ник. Курочкины взяты⁴³.

Некрасов сказал стихи Муравьеву...

Мур[авьев] хотел вызывать Чернышевского, но император умнее Муравьева, не дозволил: двух смертей человеку не бывает⁴⁴.

6 мая 1866 г.

В настоящее время я переживаю ужасные и самые тяжелые дни. Я писал раньше, что, вероятно, вследствие того, что самых известных литераторов засадили в крепость и части, Некрасов сказал стихи Муравьеву. В это время я еще был спокоен, потому что Некрасов обещался поместить 2-ю часть романа «Горнораб[очие]» в майской книжке и хотя потом отложил до июньской, но все-таки уверил и выдал мне 50 р. Кроме этого брат Курочкина Владимир просил меня не оставлять редакцию «Искры» своими статьями. Вейнберг, редактор «Будильника», меня лелеял, печатал статьи и просил тоже писать⁴⁵. По всей вероятности и Курочкин, и Вейнберг думали, что засаженных литераторов сошлют, и мы, дескать, будем довольствоваться и этим. Только гг. Пыпин, Антонович и прочие не обращали

на меня внимания и, бывало, когда придешь в редакцию «Современника», бояться даже поздороваться с тобой, а разговаривали больше в другой комнате.

Говорили, что будто Пышин и Антонович разошлись с Некрасовым после его стихов М[уравьеву], но однако я их видел у Некрасова.

Некрасов уехал в поместье, а через две недели или раньше запретили «Соврем[енник]» и «[Русское] С[лово]»⁴⁶.

Я стал продавать Звонареву свои сочинения за 500 р. Он давал 200 или 300. Я попросил Вейнберга, тот хотел поговорить Баунову, даже настоять на том, чтобы он купил их за 300 р. Звонарев обещался сказать ответ через неделю. Вероятно ждал Некрасова.

В это время я уже жил в Петергофе у той же Пермяковой. Нанял я на лето комнату за 25 р. Об ней я писал в статье «Город в садах», о которой я буду говорить ниже.

Приезжаю я в город за получением из «Искры» денег. По моему счету на Василье Кур[очкине] было старого долга за «Внучкина» 13 р., да за статью «Женщины Никольского рынка»⁴⁷, которая была мною названа «На Никольском рынке», мне приходилось руб[лей] 18, так как я получаю по 6 к. за строчку, да за окончание «Внучкина» 9 р. А надо заметить, раньше я от Влад[имира] Курочкина получил в течение 1½ мес. 15 р., а потом он говорил всем, как Усов⁴⁸, что у него денег нет.

В книж[ном] магазине «Совр[еменника]» я узнал, что Некрасов приехал. Я же не имел ни копейки и написал Н[екрасову] письмо: что он будет делать с романом, так как я ему должен в счет его 100 р.; если он будет издавать какой-нибудь журнал, то нельзя ли его продолжать под другим названием, или не купит ли он его у меня за 150 р. Я просил его уведомить меня⁴⁹. В этот же день я узнал, что Н[екрасов] хочет расчитать подписчиков Шекспиром. А Вл. Курочкин, выдав мне 5 р., сказал, что он не будет платить долги брата. Корков, приказчик, заведывавший делами «Современника» и сотрудник «Будильника», сказал мне, что Пышин своего адреса в конторе не оставил и никого не хочет принимать к себе. Звонарев сказал, что он насчет моих сочинений подумает до осени, т. е. до октября месяца.

Между тем в «Будильнике», т. е. у Вейнберга, засели статьи «Аккуратные люди» — три очерка⁵⁰, «Белуга», которую он хотел печатать, «Квартира № 25», которую он нашел «избитой фразой». Я написал статью-письма «Город в садах» — два письма⁵¹. В «Искре» исчезли статьи: «Яков Петрович»⁵² и «Дедушка Онисим», о которых я ни от кого не мог добиться вести, даже не знаю, у кого они.

Некрасов через 4 дня уехал. Я ходил к Пышину, живущему в Петергофе, три раза и не заставал дома. Он послал мне письмо, что о планах Н[екрасова] ничего не знает и рукописи все сдал в контору.

В «Будильнике» между тем захрясли мои статьи «Глухие места» и «Белуга», которые В[ейнберг] хотел печатать в первом же номере. Я остался без денег, занял у здешнего суд[ебного] пристава В. два рубля и поехал в Петербург. Вейнберга в интендантстве, где он служит столон[ачальником] и куда хотел определить меня, потому что он в родне с Устряловым,⁵³ я не застал и отправился к Вас. Курочкину, которого вместе с прочими литераторами около этого времени выпустили. Там я застал Вейнберга. Он сказал, что «Белугу» и второе письмо «Город в садах» — о мировом суде — цензор перечеркнул, так что нельзя печатать, а «Глух[ие] места» он пустит в следу[ющий] номер.

А надо еще то заметить: «Будильник» выходит в пятницу, а г-жа Степанова, заведывающая хозяйственной частью журнала, потому что муж ее — какая-то размазня и больше курения соломенных папирос ни на что не способен, изволит приезжать в город через неделю, в четверг.

За статью «На заработки», напечатанную в «Искре», Курочкин выдал мне 21 р. 12 к., а Дмитриев, бывший тут же и холодно поздоровавшийся со мной, ядовито заметил, что автор за рабочих деньги получил.

Зашел в книжный маг[азин] «Сов[ременника]», так мне предлагают за сочинения только 150 р.

Сходил к Базунову. Спрашиваю:

— Вам говорил В[ейнберг] насчет издания соч[инений] Р[ешетникова]?

— Я его уже два месяца не вижу. А вам что угодно?

— Мне бы хотелось продать свои соч[инения]. Я — Р[ешетников].

— Я вас не знаю. Пусть В[ейнберг] поговорит.

Через неделю опять сидел без денег. Послал в Петербург] жену, и та узнала от В[ейнберга], что Базунов обещался подумать до осени.

За «Глухие места» я получил деньги, а «Белугу» и петергоф[ского] мирового судью просил В[ейнберга] передать в «Искру», но прошел месяц — и они не переданы. Теперь В[ейнберг] обещался напечатать «Ильин день»⁵⁴ и обещался уже три недели, наконец известил мне через писаря, что эта статья сошла с очереди(?)^{*}.

При таком положении дел литературы я вывожу такое предположение, что у нас гг. издатели и редакторы отдают предпочтение своим приятелям и людям состоятельным; так например, огромные статьи купца Стахеева⁵⁵, богатого человека, печатают в «Будильнике» или целиком или печатают без перерыва в трех ну[мерах], а мои «Глухие места» были прерваны на два месяца потому, как сказал В[ейнберг], — а да же и дру-гим дать хлеб. Воронов под подписью Хохотов печатает почти в каждом № «Будильника» иногда даже по две статьи. В «Искре» какой-то Веселый сочинитель⁵⁶ и Минаев тоже катают по две статьи, тогда как я не могу допроситься, чтобы Кур[очкин] потрудился прочесть мои статьи.

Я несколько раз просил В[ейнберга] уведомить меня о статьях и об издании соч[инений], но он и не думает отвечать, а желает, чтобы я сам приехал в интендантство, где я должен буду унижаться перед сторожами.

Теперь уже август месяц, а в половине сент[ября] я должен буду непременно уезжать из Петергофа. Нужно отдать хозяйке 13 р., Ф. Коргополову^{**} 25, жена заложила шубу за 48 р., да кормилице нужно отдать 15 р. А содержание чего стоит? И всего этого редакторы не хотят и знать, а станешь им говорить об этом, они замечают: «жениться бы не надо было». Ну разве юни не скоты после этого!..

Вот тут и подумаешь, как жить... Будь я каким-нибудь образом вдруг богат, все эти господа редакторы будут заискивать моей дружбы, будут печатать статьи, а про настоящее мое положение и речи не будет. Такова уже наша литература. Также советовали мне некоторые господа отдать роман в «Отечественные Записки». Это тоже довольно хорошая штука с ихней стороны. Или им досадно, что я не сидел в крепости? Тогда, я думаю, не так бы смотрели на меня? Но, едва ли.

Думаешь-думаешь, — ничего не можешь придумать...

5 августа 1866 — канун моего приезда из Перми в прошлом году. Еще, значит, прибавился год страданий.

Муравьев умер, но дела литературные и после его смерти не улучшились и, кажется, будут идти все хуже и хуже. Причин искать нечего: главные литературные деятели, как надо полагать, заподозрены в дурных направлениях, и, как они выражаются своим сотрудникам, правительство

* Знак вопроса авторский.

** Шурин Ф. М. Решетникова.

их давит так, что они полагают, что литературу убьют, а если и останется литература, то казенная. Это, конечно, несправедливо, потому что у нас и до сих пор газеты уверяют иностранцев, что у нас свобода печати существует на прочных основаниях; да и у нас и в самом деле существует закон о печати, только мы понимаем свободу слова по-своему, а начальство — по-своему: например, редакторы говорят нам, что цензора вычеркивают слова «чиновник», «помещик и т. д. Курочкин даже говорит, что некоторые цензоры берут взятки. Это, конечно, очень вежливо и прогрессивно, и мы переживаем теперь тяжелое время, — тяжело потому, что говорить дело нельзя, а ложь, фантазию писать не хочется. В слове «мы» я подразумеваю таких людей, как я, и пишу эту заметку для того, чтобы люди будущего времени видели, как бедными и неучеными людьми пренебрегают передовые люди, несмотря на ихнюю популярность. Читал я сочинения Дружинина, его критику на прежних английских писателей⁵⁷, и нахожу, что русские далеко перецеголяли англичан в плутнях. В настоящее время издателям и книгопродавцам — славное время; потому что ловкий и крепкий человек из них может надувательствами теперь нажить много денег и все-таки и после смерти своей будет популярен и главное честен.

Я нахожу, что все наши редакторы, издатели и книгопродавцы — плуты, и вот почему я нахожу — и со мною, я думаю, согласятся их дети, если будут немножко почестнее родителей: издателю журнала или газеты нужно только опериться. До тех пор, пока у него не накопится тысяч 5 барыша, он будет ханжить, что у него мало подписчиков, переманивать лучших литераторов, рассчитывать их понемногу, а как оперится, тогда, как Некрасов, будет убавлять им цены, — если чует какое-нибудь горе с его журналом, доказывая им, что он терпит большой убыток. Но вот такие времена, как теперь, — это клад. Возьмем Курочкина. Я не знаю, как у них идет дело, — все ли три брата издают «Искру», или один который-нибудь из них, — только, судя по справедливости, они или хотя Вас. Курочкин должен бы был рассчитывать сотрудников как следует. Однако выходит то же, что делал со мною Усов. Они говорят, что нет денег, — и только. Посидишь, послушаешь разные сплетни и уйдешь или с 3 рублями, или ни с чем. Он даже раз сказал мне, что если «Искру» закроют, он долгов никому не будет платить; когда откроет новый журнал, то он с удовольствием будет печатать мои статьи. Так он рассчитывает и других — и все-таки уверяет, что тот плут, тот не платит, хотя и богат. Но когда сидишь долго, то замечаешь, что приятелям своим он дает деньги в другой комнате: возьмет бумажник, уйдет, запрет ее — и слышно: «25 р., 35 р.»...

То, что Курочкин мог бы рассчитывать с сотрудниками исправно, доказывается тем, что он живет на Невском, имеет хорошую квартиру, — такую, что швейцар не пустит к ней человека в грязных сапогах, как это было со мной в январе нынешнего года или раньше — не помню, имеет лакея и т. п. людей, принимает только по воскресеньям с 12 часов, ездит в театры и т. п. Хотя же он и говорит кому-нибудь не из его приятелей: приходите в среду — вам скажут: «Нет дома». Раз мне жена его, женщина важная, заметила, чтобы я не бросал пепел с папироски на пол, и когда я сижу один с Василием Курочкиным, она говорит: «Ах, как накурено! голова просто болит».

В течение года Василий Курочкин даже не запомнил моего имени и отчества, и я всегда прихожу туда, как в такое место, где с тобой и знаться не хотят: они ведь печатают мои статьи и знают, что я не учен и пришел за деньгами, и заключают так: «Он пишет из-за интереса и поэтому раб наш». Как-то Курочкин высказал Степановскому⁵⁸ недовольствие, зачем он писал в «Будильнике», когда он враг Степанову.

Тот сказал, что тут нет ничего худого. Курочкин заметил, что ему не нравится, что сотрудники «Искры» перебегают в «Будильник».

В «Будильнике» важности еще больше. Там даже Вейнберг стал считать сотрудников за подчиненных себе. Это значит, что он уже накопил 5 т[ысяч] и думает открыть свой журнал. По приезде из Петергофа я два раза был у него и не заставал дома в такое время, когда он дома. Этот человек удирал со мною такого рода штуки: скажет — статья у цензора; через две недели скажет: послана к цензору; через неделю скажет: я читал корректуру, надо изменить, потому цензор не пропустит. Обругать его — хуже; придется ждать полгода, потому что ни на квартиру, ни в интендантство, где он служит столоначальником, не пустят; письма редакторы не пишут сотрудникам, а если встретишь его где-нибудь — наврет.

Теперь редакторы все дело сваливают на цензоров: не по вкусу статья — цензор не пропустит; длинная статья — много таких вещей, которые не пропустит цензор, а между тем приятели редакторов растягивают вздор по три и четыре номера сряду.

Наконец, даже я не могу получить №№ «Искры» и «Будильника» с 1 сентября.

А впереди опять ловушка предвидится. Некрасова я сочел за большого барина на том основании, что все нынешние редакторы и издатели от него надувательством научились. Прихожу я раз в книжный маг[азин] Звонарева, Звонарев и говорит мне: «Некрасов писал мне, чтобы я выдал вам 25 р.». Я думал-думал: за что мне такая милостынька? Сначала было не брал, а потом взял, думая, что вместо романа «Горнорабочие» я напишу роман «Петербургские рабочие». Но вот ловушка в чем состоит: могу ли я продать роман «Горнорабочие»?

Я отдал Благосветлову начало романа «Глумовы», предполагая содержание передать из «Горнорабочих», но ладно, что я медлил; этот роман выйдет совсем другого рода, но лучше «Горнорабочих», хотя в нем не будет ни генералов, ни помещиков.

Благосветлов что-то юлит около меня и дал мне 25 р. Он даже обещался издать мои сочинения этак через месяц, на моих условиях — 300 р.; 150 р. вперед, остальные по напечатании; но после всех тех историй, какие я про него слышал, он меня едва ли надует.

Благовещенский перешел в «Женский Вестник» редактором с Михайловым (автором «Гнилых болот») ⁵⁹ за 100 р. в месяц и переманил к себе своих приятелей. Дело, говорят, дрянь: хлопотал Стопановский; Стопановского надули Мессарош так, что ему пришлось удалиться (не знаю, кто из [них] — С[топановский] или М[ессарош] — врет); говорят (говорил С[топановский]), что у М[ессарош] денег нет (а у Стопановского есть 7 т[ысяч], вероятно, выиграл в лотерею или в карты), и литераторы будут писать в кредит.

12 сентября 1866 г.

Некрасов приехал, и я был у него по поводу предложения Н. Курочкина напечатать «Горнорабочих» в «Невском Сборнике» ⁶⁰. Курочкин дает мне за «Горн[орабочих]» 700 р., но 350 р. обещается отдать тогда, когда выйдет первая книжка. Некрасов принял меня вежливо. В его приемной или [бывшей] редакционной комнате заметно отсутствие редакции, и сам он говорит, что не только не будет ничего издавать, но даже старается избежать всяких литературных дел. Роман велит печатать хоть где, о деньгах сказал, что я их могу отдать, когда совсем поправляюсь, и даже дал мне 10 р. (милостыньку).

Вас. Курочкин нынче такие шутки выделывает со мной и, вероятно, с другими также: дал мне записку в магазин «Искры», чтобы та вы-

дала мне 20 р. (старый летний долг, осталось еще за ним, кроме сцен «В деревню», 15 р.). Прихожу, Вл. Курочкин говорит — денег нет, и назначил мне притти во вторник в 6 час. вечера. Приезжаю — говорят Вл. Курочкин! бывает в магазине только до 3 часов. Разве это не плутни?

Благосветлова жмут: вот уже больше месяца цензор держит корректуры, в том числе и начало моего романа «Глумовы». Некрасов говорит, что сами цензоры поставлены в такое положение, что не знают, что делать. Говорят, редакции газет и журналов получили предписание: не печатать объявлений от студентов, что они ищут учительские места. Распоряжение отличное!

9 ноября [1866 г.].

Наконец-таки я продал «Подлиповцев» Звонареву за 61 р. 25 к. Но и тут Звонарев хитрит, т. е. говорит, что если бы он читал их до покупки, то не купил бы: цензуры боится.

Вас. Курочкин денег не платит, так что я решился ничего не давать ему и не хочу отдавать Н. Курочкину «Горнорабочих» еще и потому, что цензор хорошо пропустил начало «Глумовых», и Благосветлов торопит меня окончанием⁶¹.

Вейнберг не хочет печатать больше рассказов судебного пристава⁶² и отдал мне назад для переделки «Якова Перевалова». В тоне его голоса и манерах замечается чиновничество, и он даже говорит мне, зачем я не чиновник.

Чорт знает что такое! Никак я не могу поправиться. Вот уже третья неделя, как я пью с утра и пропиваю каждый день по 25 к. И все это оттого: не печатают ни в «Искре», ни в «Будильнике» статей; потом у жены заболели зубы, должна была стряпать кормилица, а я возиться с Манькой; потом у кормилицы захворал муж тифом, она ходила в больницу, наконец муж ее 24 ноября помер.

Кто виноват в его смерти? Я проклял Петербург, когда смотрел его труп. Господи! Он несколько не похож на Конона Дорофеича... Это был здоровый краснощекий мужчина, а теперь даже лицо его походит совсем на другого человека. Думал ли он, уходя из деревни, что умрет в Петербурге? Думала ли Дарья Ивановна о том, что, уходя в Петербург, она вернется домой вдовой?.. Да, она плачет теперь, бедная молодая честная женщина. У нее осталось двое детей, она должна жить под опекой родни. А что ее может ожидать в замужестве, когда ихняя деревня самая бедная в Тверской губернии?

Конон Дорофеич работал на судах; он подробно описан в статье «В деревню», напечатанной в «Искре». Только уж так богу было угодно, чтобы вместо дома он попал в больницу. Он за четыре дня до поступления в больницу был у нас, пил чай и говорил, что у него болит горло. Надо заметить, что у него сапоги были худые, ноги постоянно промокали и зябли, а о квартире и говорить нечего: только тогда и спокой, и сон, когда выпьешь водки. В среду 14 ноября его свезли в больницу чернорабочих: он уже не мог говорить. Болезнь его назвали тифом — и не было никакой надежды на выздоровление...

По значительности болезни его 27 ноября назначили в клинику, но я, зная, что там он поступит в препаровочную, взялся сам хоронить его. Завтра буду хоронить на Митрофаньевском кладбище и запишу эти похороны особо, если буду здоров и трезв. Едва ли.

28 ноября [1868 г.].

Сегодня я похоронил Конона Дорофеича. За 10 к. доехал до больницы. Дарья Ивановна плачет. Он лежит в общем месте. В часовню,

как я понял, его потому не поместили, что она и не просила и не подарила сторожей (везде впрочем нужна протекция). Он еще вчера был одет. Мне это обидно. Впрочем, в часовне, устроенной по-католически, три места, а всего лежало два — впрочем в гробах, а К[онон] Д[орофейч] почему-то до нашего прихода не был положен в гроб (сторож говорил, что нельзя, но... сторожу хотелось взять, ведь не солоно же он хлебает, находясь при несчастных червяках, т. е. рабочих, сторож — тоже рабочий).

Впрочем мы — я и Дарья И[вановна] — возились недолго: К[онон] Д[орофейч] был одет еще вчера; надели на него крестик медный, pokrыли миткалем, наняли извозчика до Митрофания за 50 [к.] и отправились. За дозволение хоронить у Митрофания с нас взяли сторожа 15 к. (говорят, нужно дать дьякону за бумаги — басни!).

Извозчик или лошадь его бежит скоро, так что я, выпивши за упокой Клонона Д[орофейча] недалеко от мосту, что напротив Варшавск[ой] ж. д., целые четверть часа бежал до гроба К[онона] Д[орофейча].

Кроме Дарьи Ивановны и меня никого не было. Мы шли по такому месту, где нет чванных людей: кто идет, едет, стоит — шапки, фуражки снимает и крестится.

На кладбище беспорядок. Мастера, хоронящие детей, подмастер[ья] вопиют, жены не знают, куда деваться, некоторые ищут конторщика, не находят. Это важный господин с усами, рука дрожит. С тех, которые отдают покойников в общий разряд и дают священнику по своему желанию, он тех просит расписаться в книге. Но странно... (это факт, а не досада или скупость) он с меня потребовал за могилу (6-й разряд, мне говорили, что теперь разрядов нет) 1 р. 50 к.

— Сколько священнику? — спросил конторщик.

— Рубль, — бухнул я и глупо сделал... и обратился к другому человеку, как фабричный приказчик (ну уж и приказчик!)

Нечего и говорить о том, что 6-й разряд далеко.

Кончилась обедня. Вышел дьякон, начал свое дело. Священник (он в камилавке) считает в алтаре деньги, разговаривает с священниками и дьяконами и отвечает те тексты, которые ему нужно говорить. Ему уже примелькались покойники, — это я знаю по себе, когда я был в монастыре, но вот Дарья Ивановна обижается... Ну, как ее урезонишь?..

Ради, кажется, приличия вышел толстый поп на известное место.

Дарья Ивановна обижается: «У нас в деревне поп, хотя и много покойников, прочитывает по дорожную и сунет сам ему в руки...»

А здесь сама вложила ему.

Нищих прощать.

Кто-то хоронит ребенка (верно, до 1 года); гроб изукрашен. Могила вырыта на 1 аршин, а могильщика нет. Отец боится поставить гроб на снег: замочит, или, по его понятию, наружность гроба испортится.

Дарья Ивановна говорит, что, будь у нее сын, она бы имела часть в доме и в хозяйстве, а так как у нее две дочери, то ее прогонят из дому и не дадут ни огорода, ни коровы, ни курицы — обстоятельства, сложившиеся по основан крепостного права и местных обычаев.

29 ноября 1866 г.

Накопилось в течение более месяца очень много и худого и хорошего. Начну с хорошего, чтобы кончить дурным, как у нас обыкновенно бывает в жизни. Хорошее то, что вышел «Невский Сборник» и в нем помещено множество статей, в том числе и моя — «Очерки обозной жизни». Эта несчастная статья почти с осени 1865 г. валялась в разных редакциях и не печаталась потому, что редакторы самый предмет находили, кажется, избитым, да и не читали очерка. Однако я еще не видал сборника.

В «Искре» напечатаны две мои статьи, о которых я уже совсем позабыл. Одна — «Дедушка Онисим» — была отдана еще в мае прошлого года в редакцию и потерялась, и я удивляюсь, откуда и от кого она появилась снова в редакции, другая — «Сутки в казенной квартире» — была отдана, кажется, в октябре тоже прошлого года. Не знаю только, получу ли я деньги с обеих редакций.

Благосветлов оказывается плутом. По выходе 4 кн. «Дела»⁶³ я просил передать деньги шурина и ждал ответа целый месяц. Хорошо еще, что у жены была практика. Но и эти средства оказались так ничтожны, что и говорить нечего. Я послал шурина телеграмму и получил от него через 5 суток письмо, что Благосветлов отослал деньги в Барч-Оренбургский. На второй день пасхи я наконец получаю от Благосветлова письмо с деньгами. Он пишет, что письмо заслал почтамт и оно воротилось. В нынешнее время такая отговорка кажется невероятною, потому что никакого Барча еще пока в России не существует, и почтамт не мог поэтому принять денежное письмо. В заключение он пишет, что 3-ю часть «Глумовых» печатать не будет потому, что слишком много, и что я могу при других цензурных условиях написать под другим названием продолжение. Итак, моя работа пропала.

Вышел 1-й выпуск литературного сборника «На несколько часов». Я видел только объявление в «С.-Петербургских Ведомостях». В нем перепечатаны статьи из «Современника», «Искры» и «Будильника» и в том числе моя — «Из новой судебной практики». Сказано в объявлении, что статьи перепечатываются с согласия авторов. Но [у] меня решительно никто не спрашивал согласия, я не знаю до сих пор, кто издатель, да и об этом сборнике до первого объявления ничего не слышал. Выпуск продается по 1 р. Значит, статью не должны перепечатывать даром. Неужели это шарлатанство? Написал Вейнбергу и вот уже две недели жду ответа.

В Бресте очень скучно *. Только и живу для детей...

Рыбу ловить тоже неприятно: на речках еще нельзя, с валов не дозволяют инженеры.

А тут еще другая неприятность. В 14 № «Искры» сообщена корреспонденция такого рода, что в крепости Брест-Литовской, в клубе, женщины при входе мужчин должны вставать с своих мест; что одного господина за то, что он получил приглашение танцевать с женщиной легкого поведения, исключили из клуба, и что здесь по улицам ночами слышатся раздирающие вопли женщин, и что женщин даже сажают на ночь в кутузку. «Искру» получает только один Заварзин⁶⁴. Он, не обративши внимания на заметку, отослал № своему товарищу, и часа в три-четыре офицеры всполошились: заговорили, что это я писал.

Заварзин призвал меня; я сказал, что я и не думал писать этого. Он говорит, что ничего подобного в клубе с женщинами не было; но на него указывают, как на сплетника, что он хорошо знаком с бывшим сотрудником «Современника». Он говорит, что это известно коменданту и что мне, пожалуй, будет плохо, тем более потому, что здесь край все еще находится на военном положении, и комендант может со мной бог знает что сделать. Я ему говорю, что я не боюсь коменданта, да и Заварзин сам хорошо понимает, что офицеры и комендант сделают глупость, если призовут меня и, не поверив моим словам, будут меня пугать чем-нибудь или отберут от меня подписку и т. п. Я этого желаю. Пусть они затронут меня лично...

6 мая [1867 г.] .

* В Бресте Ф. М. жил с 9 января 1867 г.

Больше года, как я не принимался за свой дневник. Сознаю, что если бы в течение этого времени я вел свой дневник хотя раз в месяц, то написал бы много страниц, и все, что со мной случилось, вышло бы гораздо полнее, яснее. Так, например, хотя я и теперь помню очень хорошо все, что происходило со мной в белой горячке 15, 16, 17 и 18 чисел июля нынешнего года, но я не хочу этого записывать, потому что теперь уже поздно, да и мне самому делается тяжело, как я начинаю припоминать все представления, видения и свои действия. В этом дневнике я упомяну об них вкратце. О другой будто бы белой горячке, бывшей 31 октября, 1, 2 и 3 ноября прошлого года, я писать не буду, потому что, во-первых, я написал маленький рассказ «Трудно поверить» для «Искры», в которой впрочем Курочкин его не напечатал⁶⁵, назвав его «белой горячкой», а во-вторых, я еще сомневаюсь, действительно ли это белая горячка, потому что я не пил двое суток перед ее началом. Когда я уходил из квартиры, мне ничего не представлялось, и я хорошо сделал, что тогда переехал на другую квартиру, где я и без водки заснул рано и спокойно. Я думаю, что если бы вскоре по начале галлюцинаций 15 июля я хотя бы переехал в город, я бы от них избавился, и они не развивались бы так быстро и в такой сильной степени, что мне, по словам здешних врачей, грозили или смерть или сумасшествие.

Настоящий дневник я пишу на случай. Кто знает, что будет вперед? И если мне придется умереть в Бресте, прежде отъезда в Петербург, то те, которые интересуются мною, могут достать сведения очень неверные, так как, во-первых, я никуда не хожу, во-вторых, в Петербурге лично со мной знакомы человека два-три, которые все-таки не знают самой сути, и в-третьих, здесь все стараются сказать про меня что-нибудь дурное, чтобы осрамить меня и оказать презрение к моей жене...

Я нанял комнату около Вознесенского моста, и жена уехала 5 октября в Брест.

По водворении на квартиру я написал: «Полтора сутки на Варшавской железной дороге» для «Будильника», «Ярмарка в еврейском городе» и начал «Будни и праздник Янкеля Дворкина». Жил я на деньги, должные мне Благоветловым, который выплачивал через две недели по 15 и 10 р. В. Курочкин мне и теперь еще не заплатил долга за 1866 и 1867 гг. — рублей 50, Владимир — за статью в «Невском Сборнике» и теперь должен 50 р. Они, кажется, вовсе не хотят платить.

В это время Некрасов стал советовать мне писать для Краевского роман⁶⁶. Я сперва не согласился, но он убедил меня тем, что я в своем романе могу не изменять своих убеждений и направления, и что Краевский платит хорошо, и что Краевский прогнал Соловьева и Авенариуса⁶⁷. Краевский меня принял любезно. Это аристократ, который редко и официально видит бедных литераторов. Я ему отдал «Николау Знаменского» и «Тетушку Опарину». Оба рассказа он хотел напечатать. Первый напечатал, но тут Некрасов стал сбивать Краевского передать ему «О[течественные] З[аписки]» и просил меня написать роман. Я начал «Где лучше?» — продолжение «Глумовых».

Дело Некрасова с Краевским тянулось месяца два, и в это время я был в затруднении, потому что нуждался в деньгах, посылая часть заработка жене, которая писала, что она нездорова, простудилась, говорит шопотом и ее доктора не выпускают из квартиры. Раз даже Благоветлов сам заходил ко мне и просил у меня роман, но я стал просить у него 75 р. за лист, он не согласился. Наконец, дело Некрасова с «О[течественными] З[аписками]» состоялось, и я стал прилежно работать с

романом, получая от Некрасова в долг по 50 р. в месяц. «Очерк об еврейях» Некрасову не понравился. Я его переделал. Он хотел напечатать, где будет свободное место, но потом в апреле я его взял, и он теперь у меня.

В январе я перешел на Обводный канал по совету Комарова, у которого там был кабак⁶⁸. Там я зашел и попал в часть, — это обстоятельство описано подробно в нигде ненапечатанной рукописи «Филармонический вечер»⁶⁹. На этой квартире я только в половине февраля приехал за вторую часть романа...

На набережной Обводного канала мне впервые пришлось познакомиться ближе, чем кому-нибудь, с петербургскими рабочими. Это — народ забитый, не могущий заявить своего протеста, потому что между рабочими нет единства и существует забитость исстари. Для рабочего человека в Петербурге нет никаких развлечений, и поэтому они должны все свободное время употреблять в кабаках. Нынче в газетах печатали, что для рабочих на Царицыном лугу основаны народные праздники без водки, но я там не бывал и думаю, что эти официальные праздники, начальством устраиваемые, привлекают массу портных, сапожников и других мастеровых, живущих вблизи Царицына луга. Но [когда] я спрашивал живущих на Обводном канале, то они говорили, что не были; большинство говорили, что они работали и если бы знали, то не пошли бы. У нас в газетах существует мнение, что для рабочих непременно нужно основать народные театры. Вещь хорошая, но если их устроят за две-три версты, то туда будут ходить живущие вблизи. Да и какие это народные театры, если с первого же раза для порядка заведут везде полицию? На что я уж имел деньги больше рабочих и пользовался временем, как мне угодно, — и то мне не хотелось ехать в театр, потому что я бы мог издержать напрасно деньги на извозчика и не достать билета. Не получая газет, я бы мог попасть на дрянное представление. Еще в 1864 г. я узнал, каково человеку, не знающему театральных условий, человеку, редко бывающему в театре, попадать в театр. Когда моему хозяину хотелось идти в театр, он не знал, что играется сегодня, и вечером мы шли в театр, но там доставали — в Александринке — или ложу против люстры или за 20 коп. место в самом верху, где, кроме спин и голов зрителей, не видели даже не только что сцены, но и большей части партнера; а так как вокруг нас говорили, то мы на сцене ничего не слышали. Что касается до Мариинского и Большого театра, то туда нужно за билетами идти заблаговременно, да и там кассиры смотрят на личности. Там около кассы постоянно толпится народ, и кассир отдает предпочтение человеку, хорошо одетому и назойливому. Я несколько раз испытывал поражения и у кассы не видал ни одного мужика. Мужики иногда стояли на подъезде; внутрь их не пускали сторсжа из опасения, чтобы они не обокрали; иной бы и хотел быть в театре, да боится пробраться до кассы; его еще и не допустят до кассы. Поэтому нечего говорить о том, что наш народ — мужичье, не ходит в театр. Сколько раз я ни бывал в театре, я только и видел там торговцев, немножко самостоятельно работающих портных, кузнецов и наемщиков в рекрута с кабатчиками.

Квартира моя была холодная до того, что я должен был созреваться водкой, а потому и неудивительно, что я никуда не выходил из нее и даже считал за благо ездить в Царское к шурина, но и там мне надоело. Хорошо еще, что я с шурином ездил по деревням и даже помогал ему продавать имение * Демидова в Сиверцах; но сам себе не купил ничего.

* Имущество.

К даске я романа не кончил и решил окончить его в Бресте. Некрасов обещался начать печатать его в июне, а об евреях⁷⁰ поместить в апрельской книжке.

Я поехал в Брест. В Петербурге и до Пскова были грязь и снег. В Варшаве зелень. В Бресте тепло, и после Пасхи через неделю я уже ловил рыбу...

[31 октября 1868 г.] *.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Разумеется полемика между «Современником» и «Русским Словом», с одной стороны, и между «Современником» и «Эпохой» Достоевского — с другой. Памятниками этой борьбы, тянувшейся в течение 1864—1865 гг., являются статьи Писарева и Зайцева («Цветы невинного юмора» и «Глуповцы», попавшие в «Современник»), ряд статей Достоевского (перепечатаны в XIII изд. ГИЗ), сатиры и статьи Салтыкова («Стрижи», статьи в обзорах — «Литературные мелочи» и др.), статья Антоновича («Современная эстетическая теория», его же обзоры, подписанные псевдонимом «Посторонний сатирик», и пр.

² Рукопись пьесы «Не помнящий родства» неизвестна.

³ Речь идет о первых двух частях повести «Между людьми». Первая часть — «Воспоминания детства» — напечатана в «Русском Слове» за 1864 г. (№№ 10 и 11), вторая — «Между людьми» — там же в 1865 г. (№№ 1, 2 и 3).

⁴ Н. А. Благовещенский (1837—1889) — публицист, критик и беллетрист. Окончил Петербургскую семинарию вместе с Н. Г. Помяловским. Работал в «Русском Слове» с 1863 г., с 1864 по 1866 г. редактировал беллетристический отдел журнала.

⁵ Владимир Герасимович Комаров — сводный брат Н. Г. Помяловского. С ним первым из сослуживцев по департаменту внешней торговли Ф. М. сдружился, по его совету снес «Подлиповцев» Некрасову. Дружеские отношения с Комаровым не прекращались у Ф. М. до самой смерти последнего. По смерти Решетникова Комаров с инженером Н. Н. Новокрещенным, земляком и приятелем Решетникова, уехал в Сибирь, занимал различные технические должности на заводах, которыми управлял Новокрещенных. «Влад. Герас. служит лобазником, мука, овес, соль, мясо, крупа и пр. — его специальность. Живет один — и из петербургского чиновника скоро выработается злейшим лобазником... Доволен и местом, и службой, и положением... Все всматривается в нравы внешних людей и на этом поприще помешан» (Собр. Ленингр. Госуд. Публ. Библ., письмо Новокрещенных С. С. Решетниковой). После двух лет службы возвратился в Петербург и умер в первой половине 70-х гг.

⁶ П. Кабанов — знакомый (или родня) Решетникова по Екатеринбург. В собрании Госуд. Публ. Библ. имеется два его письма к Решетникову — одно в Пермь, другое в Петербург.

⁷ А. Ф. Головачев (ум. в 1877 г.) — публицист и критик, сотрудник редакции «Современника».

⁸ А. Н. Пыпин работал в «Современнике» в качестве члена редакции с 1863 г., с 1865 г. был ответственным редактором; после разгрома радикальной и революционной прессы в 1866 г. ушел в буржуазный лагерь литературы, сделавшись членом редакции «Вестника Европы». Умер в 1904 г.

⁹ М. А. Антонович (1835—1918) — публицист и критик 60-х гг. Начал работать в «Современнике» в 1859 г. под руководством Добролюбова. После смерти Добролюбова и ареста Чернышевского вел в «Современнике» критический отдел, возглавлял полемику «Современника» с «Эпохой» и с «Русским Словом». После разрыва с Некрасовым работал в журналистике эпизодически: писал по вопросам литературы, философии, естествознания и т. д. и много переводил по самым различным областям знания (история, философия, педагогика, физика, геология и т. д.).

¹⁰ Факты жестокости воспитателей Кузьмина, героя повести «Между людьми», о которых рассказывается в повести, не могут быть целиком отнесены к условиям воспитания самого Ф. М. Переписка Василия Васильевича и Марии Алексеевны Решетниковых с племянником-воспитанником говорит о большой любви и о заботливости к нему. О том же рассказывает в своих воспоминаниях о Ф. М. и Н. Н. Новокрещенных («Пермский край» 1901, № 55). Тот же автор сообщает, что В. В. Решетников крайне был обижен «Воспоминаниями детства». Даже в 1866 г., напоминая племяннику об обидах, полученных от него, он вспоминает и этот рассказ.

* В этой записи (годовой — за 1868 г.) дата проставлена, в отличие от предыдущих записей, в начале записи; перенесена нами в конец для сохранения графического единства текста.

¹¹ К проблеме «дерянного воспитания» Ф. М. не раз возвращался в своих романах и повестях. В «Горнозаводских людях», в «Осиновцах», «Где лучше?», «Свой хлеб» и в др. много страниц посвящено воспитанию горнозаводских, мешанских и чиновничьих детей. Вопрос о воспитании характерен для проблематики Решетникова, как и для целого ряда разночинцев-шестидесятников — беллетристов и публицистов, начиная с Чернышевского (см. статьи Добролюбова, повести и рассказы Помяловского и др.).

¹² Статья Д. И. Писарева «Нерешенный вопрос» (в «Собрании соч.», т. IV, — «Реалисты») посвящена апологии Базарова и базаровщины, в то время как роман Тургенева «Отцы и дети» вызвал резкую оценку «Современника» (М. Антонович, «Асмодей нашего времени», — «Современник» 1862, № 2), считавшего, совершенно правильно, роман Тургенева випадом дворянского либерализма против революционного разночиния. Взявши под свою защиту Базарова и «реалистов», Писарев ратует за мирную пропаганду и мирную культурную работу; базаровский тип для этих целей, по мнению Писарева, — наиболее подходящая фигура; с Базаровым Писарев солидаризируется, его провозглашает истинным представителем молодого поколения, независимо от отношения к нему Тургенева. Классовый смысл борьбы «Русского Слова» и «Современника» по этому конкретному вопросу, об отношении к Базарову и роману Тургенева, для Решетникова очевидно был неясен.

¹³ «Горнорабочие», «1-й этнографический очерк», при жизни Ф. М. Решетникова напечатаны не были. Под заглавием «Горнорабочие» в конце 1865 г. Ф. М. начал роман. Очерк был напечатан после смерти писателя под названием «Осиновцы».

¹⁴ В. А. Слепцов (1836—1878) — беллетрист-шестидесятник, автор рассказов из народного быта и романа «Трудное время», направленного против помещичье-буржуазного либерализма.

¹⁵ И. М. Фотеев — мастерской Екатеринбургского монетного двора. На основании бывшей у него в руках части дневника Ф. М. Гл. Успенский сообщает: «Сильное влияние относительно укрепления в Ф. М.... потребности и необходимости делать пользу бедному человеку имел один мастерской Екатеринбургского монетного двора. Он очень любил Ф. М., знакомил его с бытом рабочего человека, советовал ему жить честно, не яхшаться с пьянчужками и взяточниками» (Собр. соч. Ф. М. Р.—ва, 1874, т. I, стр. 25). «Это был квалифицированный рабочий монетного двора или механической фабрики, — рассказывает о Фотееве Н. Новокрещенных, — один из получивших выучку в Петербурге, в мастерских Технологического института. Там они общались со студенчеством горной школы и института, главным образом земляками. Установилась связь, воспитанники снабжали рабочих книгами, спорили о прочитанном, и рабочие постепенно поднимались в своем развитии» («Пермский край» 1901, № 55).

¹⁶ Г. Е. Благовестов (1824—1880) — публицист и редактор журнала «Русское Слово», а затем «Дело». Карикатура «Искры» (1865, № 50) — отзвук борьбы двух журналов — «Русского Слова» и «Современника» (см. примеч. 1-е).

¹⁷ В. А. Зайцев (1842—1881) — соратник Писарева по «Русскому Слову», критик, публицист, переводчик (Лассалля, Шюссера и др.)

¹⁸ Речь идет о третьей части повести «Между людьми», напечатанной в том же 1865 г. в «Современнике» под заглавием «Приключения бедного провинциала в столице».

¹⁹ Фельетонные статьи о Пермской губернии не разысканы. Сохранившийся в рукописи незаконченный очерк «Из провинции» — повидимому первоначальный набросок этих статей.

²⁰ Речь идет о романе «Горнорабочие», начатом Решетниковым после приезда с Урала.

²¹ С. В. Звонарев заведывал книжным магазином «Современника». Издание «Подлиповцев» осуществилось позже, в конце 1867 г.

²² Н. В. Соколов (1832—1889) — публицист, сотрудник «Русского Слова» по экономическим вопросам, в 70-х гг. — эмигрант-бакунист. Речь идет повидимому о печатавшихся в 1865 г. в «Русском Слове» статьях Соколова «О капитале (по поводу Милля)». Эти статьи (а равно и рецензии Соколова на «Основы политической экономии») послужили предметом полемического нападения «Современника» (см. «Современник» 1865 г., № 8 — анонимная статья «Милль перевранный «Русским Словом» и «Русское Слово» 1865, № 9 — соколовский «Вызов редакции «Современника»).

²³ Письмо Некрасова от 13 октября 1865 г. См. Собр. соч. Некрасова, т. V, ГИЗ, 1930, стр. 404.

²⁴ «Путевые письма» неизвестны; видимо представляли собою переработку «Фельетонных статей о Пермской губернии».

²⁵ «Будильник» — сатирический журнал, основан в 1865 г. после раскола редакции «Искры» умеренной ее частью во главе с Н. А. Степановым. В «Будильнике» печатались рассказы и очерки Ф. М. в 1866 г. и посмертный очерк в 1875 г. «Искрой» руководили братья Курочкины — Вас. С. и Н. С.; непосредственное участие в делах «Искры» принимал третий из братьев Курочкиных и тоже литератор — Вл. С. Курочкин.

²⁶ И. И. Дмитриев (1840—1867) — литератор, сотрудник «Искры», «Современника», «Русского Слова»; с 1864 по 1866 г. редактор «Будильника». Письмо Дмитриева сохранилось в бумагах Ф. М. (собрание ЛГПБ). «Статейка» — рассказ «Прокопьевна», напечатанный в № 28 «Будильника» за 1866 г.

²⁷ Рассказ неизвестен.

²⁸ Статья не установлена.

²⁹ Повидимому подзаголовок одного из «Путевых писем».

³⁰ Письмо неизвестно.

³¹ В конце 1865 г. «Современник» получил два предостережения: 10 ноября и 4 декабря. Последнее предостережение вызвано между прочим и стихотворением Некрасова «Железная дорога».

³² Младшая сестра Писарева — Екатерина Ивановна, по мужу Гребницкая, участница революционного движения 70-х гг. В 1875 г. покончила с собой.

³³ В архиве Ф. М. сохранилось письмо Некрасова, требовавшего этих сокращений. См. «Соч. Некрасова», т. V, ГИЗ, стр. 416.

³⁴ Рукопись второй и упоминающейся ниже третьей частей романа «Горнорабочие» не разыскана.

³⁵ Указания на практические шаги в осуществление этого намерения содержатся в письме П. С. Каргополова к Ф. М. от 13 января 1866 г. (Бумаги Ф. М. Решетникова. ЛГПБ): «При Вашем труде, который довольно ценный и независимый, я считаю [что] перемещение из столицы для Вас не только неудобно, но даже невыгодно». Доводы П. С., приводимые дальше, показывают, что Ф. М. мечтал для себя о частной службе на золотых приисках, а для С. С. — о месте акушерки в Башкирии. Намерение осуществилось иначе: С. С. Решетникова в конце 1866 г. получила место акушерки в Брест-Литовском военном госпитале.

³⁶ Роман «Петербургские рабочие» не осуществился, хотя материалы Ф. М. собирал в течение ряда лет. Указание на намерение автора написать такой роман находим и в заключительных строках романа «Где лучше?»: «Здесь я прошу у читателей позволения остановиться с своим повествованием, которое в непродолжительном времени я буду продолжать под другим названием».

³⁷ «Русское Слово» было приостановлено на 5 месяцев, после 1-й книжки 1866 г. и больше не возобновлялось, так как в июне последовало постановление о закрытии журнала навсегда одновременно с «Современником».

³⁸ «Перед рассветом» — незаконченный роман Благовещенского; начал печататься в январской 1865 г. книжке «Русского Слова». Отрывки впоследствии перепечатаны в «Повестях и рассказах» («На погосте», «Невинные забавы»).

³⁹ М. А. Воронов (1840—1883) — беллетрист-разночинец, автор ряда произведений из жизни столичной бедноты. Сотрудничал в «Искре» и «Будильнике». Речь идет вероятно о его статье «Еще легчайший способ расчета с подписчиками» («Будильник» № 15 от 1 марта 1866 г.), подписанная буквами К. Х., инициалами псевдонима Воронова (Кузьма Хохотов). Статья направлена против тогдашних издателей, изыскивавших различные средства удовлетворить подписчиков вследствие закрытия или временного приостановления их изданий правительством.

⁴⁰ 4 апреля 1866 г. член революционного кружка (Ишутина) Д. В. Каракозов (1840—1866) стрелял в Александра II. Первая попытка террористического акта вызвала свирепые репрессии правительства. Диктаторские полномочия были вручены Муравьеву-вешателю. Правительственный террор был поддержан дворянско-буржуазной прессой, без устали славившей «милость божью к помазаннику» и носившейся со «спасителем» царя — Комиссаровым. Сведения о Каракозове, сначала не называвшем себя на следствии, были опубликованы лишь 14 апреля. До этого времени пресса строила разные догадки. Ф. М. разумеет передовую статью «Петербургского Листка» (№ 51 от 9 апреля), в которой между прочим говорилось: «Из разговоров видно, что он («злоумышленник») получил известной степени образование, которому знаменитый наш романист-художник дал меткое название нигилизма». «Московские Ведомости» из номера в номер внушали своим читателям, что покушение произведено «не русским». В № 72 от 7 апреля газета упорно утверждала, что «злоумышленник» — не кто иной, как поляк, или — если русский, то действовавший под польским влиянием.

⁴¹ Д. Д. Минаев (1835—1889) — поэт сатирик и переводчик, в 60-х гг. деятельно сотрудничал в «Искре» и «Современнике». В «Современнике» в описываемый Решетниковым период печатались стихи Манаева и переводы, в том числе «Дон Жуан» Байрона.

⁴² Напечатанная в «Русском Вестнике» (1865 г., №№ 4 и 5) статья «Начало и конец пугачевщины» принадлежит П. Шабельскому.

⁴³ Г. З. Елисеев (1821—1871) публицист-народник, член редакции «Современника» и впоследствии некрасовских «Отечественных Записок». В «Современнике» вел отдел «Внутреннее обозрение», пользовавшийся большим успехом. Кроме названных Ф. М. лиц были также арестованы: Г. Е. Благосветлов, В. А. Зайцев и др.

⁴⁴ Очевидно Ф. М. передает один из ходивших по Петербургу слухов. Официальные материалы об этом обстоятельстве неизвестны.

⁴⁵ П. И. Вейнберг (1831—1908) — поэт и переводчик Гейне и др. немецких поэтов, деятельный сотрудник «Современника» и др. левых изданий. В архиве Ф. М. (ЛГПБ)

сохранилось письмо Вейнберга от 18 апреля 1866 г. о помещении в «Будильнике» рассказов Ф. М.

⁴⁶ «Современник» был запрещен на 5-й книжке: постановление правительства о запрещении «Современника» и «Русского Слова» было опубликовано 1 июня 1866 г.

⁴⁷ Напечатано в «Искре» 1866, № 20 без подписи. В изданиях сочинений Решетникова не включалось.

⁴⁸ П. С. Усов—редактор и издатель многочисленных реакционных изданий. С ним Ф. М. Решетников имел дело во время сотрудничества своего в «Северной Пчеле» в 1863—1864 гг., которую Усов редактировал после Булгарина и Греча (с 1860 г.). Переписка Решетникова с Усовым опубликована — «Красный архив», 1925, т. VIII.

⁴⁹ Письмо неизвестно.

⁵⁰ Очерки неизвестны.

⁵¹ Рассказ неизвестен.

⁵² Рассказ неизвестен. О рассказе «Яшка беспутный», уничтоженном по требованию приятелей, рассказывает В. Новокрещенных («Пермский край» 1901, № 55).

⁵³ Н. Ф. Устрялов — журналист и драматург, сотрудник «Будильника», редактор «Нового Времени» (с 1871 по 1872 г.).

⁵⁴ Рассказ неизвестен.

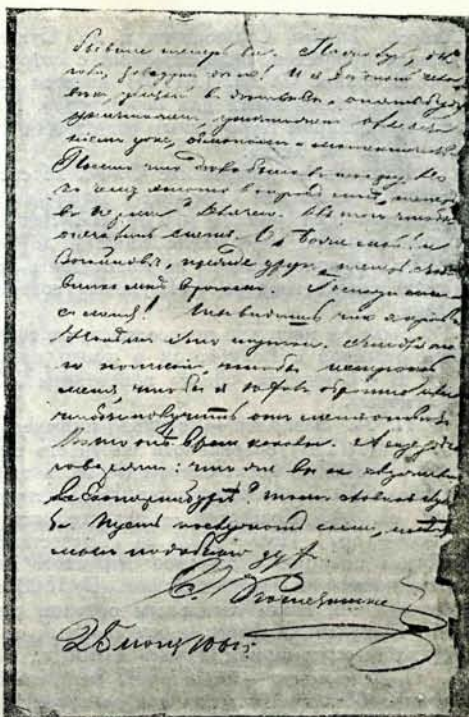
⁵⁵ Д. И. Стахеев — беллетрист, сын богатого купца. С отцом порвал в начале литературной карьеры. В 1867 г. был учителем гимназии, жил в тяжелых материальных условиях. Начал литературную работу в радикальной прессе, впоследствии работал в «Вестнике Европы», «Русском Вестнике» и редактировал «Ниву».

⁵⁶ Псевдоним И. И. Дмитриева.

⁵⁷ Этюды Дружинина по английской литературе о Джонсоне, Босвелло («Картина британских литературных нравов ко второй половине восемнадцатого века»), Шеридане, Краббе, Вальтере Скотте печатались в «Библиотеке для чтения», в «Современнике», «Отечественных Записках» с 1851 г. по 1855 г.

⁵⁸ М. М. Стопановский — беллетрист 60-х гг. (ум. в 1877 г.). Наиболее значительное произведение — роман «Обличители». Вел в «Искре» в 60-х гг. провинциальный отдел «Нам пишут», пользовавшийся большим успехом.

⁵⁹ А. К. Шеллер (А. Михайлов) (1838—1904) — беллетрист, поэт и публицист, сотрудничал в «Современнике» и «Русском Слове», впоследствии в «Деле». В «Современнике» печатал стихи и помещал романы «Нилые болота», «Жизнь Шупова», — «Женский Вестник», ежемесячный журнал, посвященный защите прав женщины, выходил в 1866—1868 гг. Издательница — Анна Мессарош, редактором подписывался Н. Мессарош, фактическими редакторами были Н. А. Благовещенский и А. К. Шеллер-Михайлов. После запрещения «Современника» и «Русского Слова» в «Женском Вестнике» нашли приют литераторы обоих журналов. В нем печатались, кроме Благовещенского и Шеллера-Михайлова, Омуровский, Д. Михаловский, Гл. Успенский,

ОБОРОТ НАДПИСИ Ф. М. РЕШЕТНИКОВА НА ПИСЬМЕ ЕГО СОСЛУЖИВЦА ПО ЕКАТЕРИНБУРГСКОМУ УЕЗДНОМУ СУДУ П. ЗАГАЙНОВА (В ПИСЬМЕ — ЗАПРОС «БЫЛО ЛИ ПЕРЕДАНО ВАМИ МНЕ ДЕЛО О НАРУБЛЕННЫХ ДРОВАХ МАСТЕРОВЫМ БЕРЕЗОВСКОГО ЗАВОДА»)

Текст надписи следующий:

«Это удивительно. Такой вопрос, при окончательной сдаче дел по описям, со всею точностью и в исправности, совершенно глуп. Да и что я скажу (боже мой!) тогда, когда я сдал все исправно и есть в описи его расписка? Что я могу ответить правильно, забывши теперь все? Пожалуй—долго ли?—заведут дело! И я, бедный человек, убитый в детстве, опять буду уничтожен, — уничтожен оклеветанием уже, обманом и мошенничеством. Помню, что дело было в шкафу. Но к чему этот вопрос мне теперь, в Перми? Для чего? Для того, чтобы опечалить меня? О, боже мой! И Загайнов, прежде друг, теперь становится мне врагом. Господи, спаси меня! Ты видишь, что я прав. Но нет: это шутка. Это для того написано, чтобы испугать меня, чтобы я ехал обратно, или чтобы получить от меня ответ. Вот они, враги, каковы. А еще здесь говорят: «Что же вы не служили в Екатеринбурге? Там славная служба». Пусть послужат сами, имея мне подобный дух.

Ф. Решетников.

25 июля 1861 г.

О подлинника, хранящегося в Институте Русской Литературы

Лавров, Ткачев, Станюкович и др. Существование журнала ознаменовалось рядом судебных процессов, недоразумений с сотрудниками и т. п.

⁶⁰ В архиве Ф. М. (ЛГПБ) имеется записка Вл. Курочкина от 9 сентября 1866 г. с приглашением зайти для переговоров. На записке пометка Ф. М.: «Сделано предложение Владимиром Курочкиным отдать для «Невского Сборника» «Горнорабочие» с платою по 50 р. за лист».

⁶¹ Вряд ли по инициативе Ф. М. не состоялось печатание 2-й и 3-й частей «Горнорабочих» в «Невском Сборнике»; материал этих частей к тому времени им уже был использован для романа «Глумовы». Редакция «Невского Сборника», анонсировавшая предполагаемое содержание книжки до ее выхода, сообщила по выходе сборника в 1867 г.: «Горнорабочие» не напечатаны нами потому, что в «Деле» печатается другой роман г. Решетникова — «Глумовы» совершенно одинакового содержания с «Горнорабочими».

⁶² Было ли написано продолжение рассказа «Из новой судебной практики» или у Ф. М. был разговор с Вейнбергом о продолжении — нами не установлено.

⁶³ В 4-й книжке «Дела» напечатаны XII—XVII главы первой части романа Ф. М. «Глумовы».

⁶⁴ П. А. Заварзин — военный инженер, брест-литовский знакомый Ф. М. В архиве Ф. М. (ЛГПБ) сохранилось шесть его писем.

⁶⁵ Напечатано после смерти Ф. М. в тифлисской газете «Новое Обозрение», воспроизведено в № 1 «Литературного Наследства».

⁶⁶ А. А. Краевский — редактор-издатель журнала «Отечественные Записки» (1839—1867). После ухода из «Отечественных Записок» Белинского журнал Краевского занимал позицию буржуазно-умеренного либерализма, вел ожесточенную борьбу с «Современником» и Чернышевским. В 1868 г. «Отечественные Записки» перешли в руки Некрасова и стали легальным органом революционного народничества.

⁶⁷ Николай Соловьев — реакционный критик и публицист. Против Решетникова выступил во «Всемирном Труде» (1868 г., № 2 — «Русская журналистика в 1867 г.»). — В. П. Авенариус — беллетрист, известный составитель юношеской и детской литературы; в 60-х гг. выступал как реакционный романист, обличитель «молодого поколения» («Современные идиллии», «Поветрие»).

⁶⁸ Из-за отсутствия подробных биографических сведений о В. Г. Комарове трудно расшифровать это место дневника Ф. М.: являлся ли В. Г. владельцем «питейного» предприятия, или у него там был излюбленный уголок. Точка зрения на профессию кабатчика у Ф. М. и его круга была более чем терпимая (см. соответствующие страницы «Где лучше?»).

⁶⁹ Напечатано после смерти Ф. М. в тифлисском «Новом Обозрении» 1884 г., № 47 от 18 февраля. В собрания сочинений Ф. М. рассказ не включался; воспроизведен в № 1 «Литературного Наследства» 1931 г.

⁷⁰ «Будни и праздники Явкеля Дворкина и его семейства». Упомянутый выше очерк об евреях — то же произведение.